И. В. МЕГРЕЛИДЗЕ

У ИСТОКОВ АБХАЗОВЕДЕНИЯ

СУХУМИ

И. В. МЕГРЕЛИДЗЕ

У ИСТОКОВ АБХАЗОВЕДЕНИЯ

ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ

СУХУМИ «АЛАШАРА»
1985

83.3(2)
М40

Ответственные редакторы —
канд. филол. наук
С. Л. Зухба и Ш. Х. Салакая

Мегрелидзе И. В.
У истоков абхазоведения: Воспоминания и документы. — Сухуми: Алашара, 1985. — 71 с.

Книга содержит воспоминания, исследования, переписку, связанные с известными деятелями абхазской культуры и науки Д. И. Гулиа, А. М. Чочуа, А. К. Хашба, В. И. Кукба.

Предназначена для специалистов и широкого круга читателей.

М $\frac{360302000}{\text{М-623(06)-85}}$ 105-85

© Издательство «Алашара», 1985

ВСТУПЛЕНИЕ

Объектами моих исследований и воспоминаний являются духовные отцы абхазского народа Д. И. Гулиа и А. М. Чочуа и продолжатели их дел А. К. Хашба и В. И. Кукба. Выходя порою из рамок воспоминаний, я дополняю их архивными и печатными сведениями с целью лучшего освещения вопросов, а также для последовательности изложения. В связи с этим касаюсь и деятельности акад. Н. Я. Марра (1864—1934), основателя абхазоведения [1], пионерами которого были П. К. Услар [2] и П. Г. Чарая [3]. По инициативе Н. Я. Марра был создан первый абхазский научно-исследовательский институт (Академия абхазского языка и литературы) и подготовлены новые кадры для этой молодой отрасли науки. Показательными примерами его заботы о кадрах являются два письма, адресованные А. Чочуа. Первое из них было послано 4 апреля 1927 года из Ленинграда в Сухуми. Приводим отрывок.

«Глубокоуважаемый Андрей Максимович!

...Может быть, не забудете реагировать на другие мои обращения, в том числе и оказание материальной помощи Хашбе в его поездке к убыхам в Турцию. Кукбая (он же Кукба), по-видимому, удастся командировать от Ленинградского института живых восточных языков им. А. С. Енукидзе при ЦИК СССР и получить 600 руб. на командировку...

Всегда преданный Н. Марр» [4].

---

[1] См. сборник его работ 1912—1929 гг. «О языке и истории абхазов» (М.; Л., 1938).

[2] Составил абхазский алфавит (1862 г.) и издал работу «Абхазский язык» (Тбилиси, 1887).

[3] См.: Чарая П. Г. Абхазия и абхазцы. — Иверия, 1888, № 167.

[4] Цит. по кн.: А. М. Чочуа. Собр. соч.: В 3-х т. Сухуми, 1976. Т. 3, с. 258.

Здесь в сноску: «А. К. Хашба и В. И. Кукба(я) — первые абхазские языковеды, в то время аспиранты акад. Н. Я. Марра» — вкралась неточность. Тогда они были его студентами, а не аспирантами.

Второе письмо, которое публикуется впервые, гласит:

«Многоуважаемый Андрей Максимович!

Получив Вашу телеграмму, я поспешил сегодня же переговорить с директором Института живых восточных языков о принятии в число слушателей Института двух абхазов, так как, разумеется, распорядиться об этом я не мог. Оказывается, что, хотя директор Института состоит председателем по приему в Институт, зачисление производится Ученым комитетом при ЦИКе, куда и следует обратиться с соответственным заявлением, а два места для Абхазии в прием этого года оставлены. Директор Института об этом напишет Вам сам, я же хотел лишь реагировать на Вашу телеграмму.

22 июля 1927

Преданный Н. Марр»

Н. Марр и ранее приобщил к науке педагога П. Г. Чарая, которому помог усовершенствовать и издать книгу «Об отношении абхазского языка к яфетическим» (С.-Петербург, 1912), таким же путем появились работы педагогов Н. С. Джанашия «Религиозные верования абхазов», «Абхазский культ и быт» и ряд исследований и материалов других авторов.

В фонде Н. Марра Ленинградского отделения Архива АН СССР имеются неизданные материалы по абхазской истории, этнографии, фольклору и другим вопросам, а также биографии авторов и собирателей, которые должны быть изданы, что несомненно обогатит науку [5].

Н. Марр писал: «Человек, умирая индивидуально... продолжает жить в тех, кто остается в живых, если жил при жизни, а не был мертв. И коллектив живой воскрешает мертвых».

Люди, о которых пойдет речь, «жили при жизни», а это дает нам основание оживить их образы и вместе с тем вопросы истории абхазоведения [6].

---

[5] Одну книгу из этого архива издал С. Л. Зухба (см. сноску 8 на с. 10).

[6] В целом о развитии абхазоведения см.: Дзидзария Г. А. Расцвет науки. — В сб.: Абхазская АССР в братской семье советских народов. Сухуми, 1972; Бгажба Х. С. К истории Абхазского института. — Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН ГССР. Сухуми, 1961, вып. 32; Салакая Ш. Х. Центр абхазоведения. Сухуми, 1982.

ДМИТРИЙ ГУЛИА

Классик абхазской литературы, исследователь, педагог и общественный деятель Дмитрий Иосифович Гулиа (1874 — 1960) является одним из просветителей родного народа, сыгравшим этапную роль в развитии абхазского литературного языка, литературы и театра [1]. С Дмитрием Иосифовичем я познакомился в Тбилиси осенью 1929 года. Это случилось так: я, студент Тбилисского государственного университета, передал рукопись «Гурийские этнографические материалы» своему профессору Ивану Александровичу Джавахишвили (1876 — 1940). Он взял ее с собою, назначив мне встречу в Государственном музее Грузии.

Я явился в условленное время. С профессором были Г. С. Читаиа и И. Ф. Сонгулашвили, а также незнакомый мне мужчина — ниже среднего роста, с приятным интеллигентным лицом, усатый, с длинными седоватыми волосами. И. А. Джавахишвили представил меня гостю, а мне сказал: «Знакомьтесь — Дмитрий Гулиа».

Похвалив меня за интересный этнографический материал, он заметил: «Его можно напечатать, но лучше пополнить. Вашу рукопись я передам Георгию (Читаиа), он вам поможет» [2]. Затем профессор заметил: «Вы описали народное празднование ბოსლობა — Б о с л о б а [3]. Очевидно, корень б о с л происходит от б о с е л (хлев, коровник), а потому не говорят ли, хоть иногда, Б о с е л о б а?» Я ответил отрицательно, а Д. Гулиа добавил: «Этот праздник знают и в Мегрелии, там его называют ბორსობა — б о р с о б а, причем абхазы называют хлев а б о р а».

В тот же вечер тогдашние студенты Александр Каландадзе (впоследствии известный археолог), мой двоюродный брат Амиран Мегрелидзе (будущий физик) и я

---

[1] См.: З у х б а С. Л. Абхазско-грузинские литературные взаимоотношения. Тбилиси, 1980. На груз. яз.

[2] Ср.: Б а р д а в е л и д з е В. Из истории древнейших верований грузин. Тбилиси, 1941, с. 34. На груз. яз.

[3] Справляли за 17 дней до великого поста.

присутствовали на спектакле Сандро Ахметели «Анзор» в театре им. Руставели. Там же оказался Д. Гулиа. Разговорились. Здесь я узнал, что он близко знает Николая Яковлевича Марра, работает в Академии абхазского языка и литературы [4] в г. Сухуми, что он в Тбилисском университете читал абхазский язык и историю, имеет опубликованный труд «История Абхазии», он же драматург, любит театр и т. д.

Каждый спектакль Ахметели шел с огромным успехом, особенно «Анзор». В тот вечер яблоку негде было упасть, переполнены были и проходы, раздавались бурные аплодисменты и время от времени восторженные возгласы. Я и мои товарищи не раз смотрели этот спектакль. Я знал его почти наизусть и, несмотря на то, что сидел далеко от Гулиа, внимательно следил за гостем. Он вел себя сдержанно, лишь изредка приподнимался и присоединялся к общим аплодисментам. После второго акта начался большой антракт. Я сразу же оказался рядом с Гулиа. Несмотря на видимую сдержанность, он не смог скрыть восторга. «Настоящий праздник этот спектакль,— сказал он и добавил: — Должен попросить Ахметели приехать на гастроли в Сухуми».

О Гулиа как об абхазском поэте я имел уже представление, но как исследователя я его почти не знал. В ближайшие же дни я прочитал его труды: «История Абхазии» (Тбилиси, 1925), «Божество охоты и охотничий язык у абхазов» (Сухуми, 1926), «Культ козла у абхазов» (Сухуми, 1928) — все на русском языке, и у меня создалось еще более высокое мнение об авторе [5].

В дальнейшем я не раз встречался с Д. Гулиа в Тбилиси. Хотя поначалу он казался сравнительно неразговорчивым человеком, но позже проявил себя как блестящий собеседник, с речью, уснащенной пословицами и афоризмами. Удивительной была сила воздей-

---

[4] В дальнейшем Абхазский научно-исследовательский институт краеведения, Институт абхазской культуры, ныне Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР (см.: Салакая Ш. Х. Центр абхазоведения. Сухуми, 1982).

[5] Часть моих воспоминаний о Дмитрии Гулиа была опубликована в газ. «Сабчота Абхазети» („საბჭოთა აფხაზეთი", Сухуми, 1974, 18 апр., с. 3—4. На груз. яз.) и в журн. «Алашара» (Сухуми, 1974, № 4, с. 67—70. На абх. яз.).

ствия этого человека, располагавшая к нему и вызывавшая глубокое почтение. Ему была свойственна человеческая простота в соединении с аристократическим тактом. Речь его была немного тороплива, однако мысль он выражал лаконично и ясно и, как будет видно из дальнейшего, отличался любезностью и гостеприимством.

В сентябре 1931 года я поступил в аспирантуру Академии наук СССР, которая тогда находилась в Ленинграде. Моим руководителем был Н. Марр.

Когда в связи с изданием сборника Марра «О языке и истории абхазов» (подробно см. с. 59—61) в октябре 1937 года мне пришлось приехать в Сухуми, я сказал Д. Гулиа, что в нем будут помещены письма Марра к Чочуа научно-организационного характера, и предложил внести в этот сборник и письма Марра к нему. Он отказался, ответив: «Пока рановато. Над сборником Марра вообще работаю лишь из-за безграничной благодарности к памяти автора и служебного долга, но сомневаюсь, что сборник выйдет». Думаю, что он считался с ситуацией, не был уверен, что сборник Марра мог бы тогда появиться. Подобные сомнения высказал и Чочуа. Однако и тот и другой приглашали меня к себе и работали усердно.

И в Ленинграде оказалось под сомнением издание сборника. Но так или иначе дело двинулось, и, когда в конце декабря 1937 года в связи с 750-летним юбилеем Ш. Руставели делегация Академии наук СССР в составе академиков И. И. Мещанинова и В. В. Струве, профессора В. Ф. Шишмарева и меня ехала в Тбилиси, печатные листы сборника Н. Марра я имел при себе.

Из Москвы тем же поездом, что и мы, ехали около 400 писателей и других гостей. В нашем вагоне оказались Николай Тихонов и Виктор Гольцев. Они спросили у меня, когда я собираюсь обратно. Я ответил: «Хочу заехать в Сухуми». Оказалось, и они также хотели навестить Дмитрия Гулиа.

Николай Тихонов вспоминал: «Я видел сидящего на скалах Нового Афона орла. Взлетала птица и опять садилась на том же месте. Кричала жутким голосом. Со мной там находился Дмитрий Гулиа. Он убеждал меня: «У орлов есть свой язык, я понимаю их».

Виктор Гольцев добавил: «Дмитрий Иосифович го-

ворил мне: «Я видел однажды, как орел подхватил поросенка; визг животного заглушал крик птицы. Она, по-видимому, боялась, чтоб у нее не отняли добычу — орел сбросил поросенка сверху, налетел на него и унес через горы».

Во время приезда в Сухуми 3 января 1938 года я узнал о том, что одна группа гостей — писателей, участников юбилея Ш. Руставели — встретила Новый год в Сухуми, что они посетили Новый Афон, куда их сопровождал Дмитрий Гулиа.

5 января директор Абхазского института культуры А. Чочуа подписал листы сборника Марра, которые и сейчас хранятся в моем архиве. Тогда же появился Д. Гулиа. Он настойчиво пригласил нас к себе домой. Там уже находились несколько членов делегации. После обеда, по предложению хозяина, благословили подписание печатных листов сборника и пожелали мне доброго пути. Дмитрий Иосифович, занимавшийся в то время переводом поэмы «Витязь в тигровой шкуре», попросил одного из гостей достать ее азербайджанский перевод. Тот обещал ему, но не очень твердо.

Во время пересадки в Баку мне удалось достать эту книгу в переводе Самеда Вургуна, и я выслал ее Дмитрию Гулиа из Москвы. В ответ я получил следующее письмо:

Заказное
Ленинград, 52
Проспект Красных командиров, 16/30, кв. 32
Профессору Иосифу Варфоломеевичу Мегрелидзе
Адрес отправителя: г. Сухуми, Советская, 7. Д. Гулиа.

Глубокоуважаемый Иосиф Варфоломеевич[6]!

Я получил Вами посланную мне книгу поэму Руставели «ვეფხისტყაოსანი» на азербайджанском языке, за что премного благодарен Вам.

Сначала я написал Вам письмо в Москву, в Академию наук, но перед отправкой его я случайно узнал Ваш Ленинградский адрес и пишу туда.

Наверно Вы встречаетесь с профессором К. Д. Дондуа, потому прошу передать ему мой сердечный привет.

---

[6] В подлиннике Виссарионович.

К моему стыду я ни разу не был в Ленинграде, только в этом году я собираюсь посетить его. Если Вы там будете, я, конечно, своим долгом считаю посетить Вас и профессора Доидуа.

Еще раз выражаю Вам глубокую благодарность за книгу.

С приветом Д. Гулиа

1938 г. 21.II
г. Сухуми

С 1 ноября 1939 года я уже работал в высших учебных заведениях Грузии. Сразу же после переезда из Ленинграда меня назначили заведующим кафедрой грузинского, армянского и азербайджанского языков и литературы в Учительском (потом Педагогическом) институте им. А. С. Пушкина в Тбилиси [7].

Кроме этого у меня в педагогических институтах Гори, Цхинвали и Сухуми также были лекции. На первом курсе русского отделения за неименнем специалиста непрочитанный курс введения в языкознание был перенесен на четвертый семестр. Этот курс я должен был прочесть и в упомянутых трех институтах. К этому в тех же пединститутах на грузинском секторе добавили еще курс древнегрузинского языка. Поэтому последние три дня каждого месяца, а иногда и в другие дни 1940/41 и 1941/42 учебных годов я находился в Сухуми.

Редко было, чтобы в свой приезд в Сухуми я не виделся с А. Чочуа и Д. Гулиа. Встречался я с ними в исследовательских институтах или же в их семьях; с Д. Гулиа — в Сухумском педагогическом институте, в редакции газеты «Сабчота Абхазети», иногда в театре. Помнится, присутствовали мы с ним на спектакле «Некоронованные цари» С. Шаншиашвили, поставленном режиссером С. Челидзе, после чего я опубликовал рецензию на страницах «Сабчота Абхазети» (29.X 1940).

Д. Гулиа был связан широкими научными контактами с академиком Н. Марром. Как мне уже приходилось отмечать в печати, он посылал материалы

---

[7] Кафедрой грузинской литературы руководил проф. М. З. Зандукели (см.: Дзидзигури Ш., Кекелия Ш. Тбилисский государственный педагогический институт им. А. С. Пушкина. 1935—1965 гг. Тбилиси, 1965, с. 18).

Н. Марру по абхазскому языку, этнографии и фольклору. Послал он ему и сборник абхазских пословиц и крылатых слов, который, однако, в то время не был издан. Впоследствии Д. Гулиа попросил Марра вернуть сборник обратно. Н. Марр искал его в своем архиве, искал и я, но не нашли. Беспокойство Н. Марра было безгранично. Он говорил: «У человека появилась возможность издания книги, но она срывается по моей вине».

После смерти Н. Марра, при составлении описи его огромного архива [8], состоявшего более чем из 5000 единиц, вдова ученого, Александра Алексеевна Марр, секретарь кабинета им. Н. Марра В. А. Миханькова и автор этих строк обнаружили сборник Д. Гулиа. Я сразу переслал его составителю в Сухуми. Д. Гулиа сердечно поблагодарил вдову Н. Марра и меня за это.

Когда позже сборник увидел свет, я находился в Грузии и в первых числах января 1941 года опубликовал рецензию на книгу [9]. Так как она содержит сведения и об общей деятельности Д. Гулиа, привожу ее ниже.

Замечательный сборник абхазского фольклора

Отдел языка и литературы Абхазского научно-исследовательского института языка и истории им. Н. Марра Грузинского филиала Академии наук СССР опубликовал «Сборник абхазских пословиц...» [10], составленный абхазским писателем и общественным деятелем — Дмитрием Иосифовичем Гулиа (Сухуми, 1939 г.).

Сборник содержит богатый фольклорный материал. Он состоит из предисловия и глав: Пословицы, Омонимы, Омографы, Народные приметы о погоде, Народные поверья, Заговоры и наговоры.

---

[8] В нем были и собственные и чужие записи. На первые я обратил внимание С. Л. Зухба, и он издал их в сборнике «Материалы абхазского фольклора из архива акад. Н. Марра» (Сухуми, 1967).

[9] Сабчота Абхазети, 1941, 5 янв., с. 3. На груз. яз.

[10] Гулиа Д. И. Сборник абхазских пословиц, загадок, скороговорок, омонимов и омографов, народных примет о погоде, заговоров и наговоров. Сухуми, 1939.

Материалы на абхазском языке снабжены русским переводом, что еще больше повышает значение сборника, т. к. он его делает понятным для более широких масс. Обращаем внимание на то, что Д. Гулиа дает не сухой подстрочник, а осмысленный перевод. Осуществить на таком квалифицированном уровне перевод мог лишь такой глубокий знаток абхазского языка и быта, каким являлся Д. Гулиа.

Более сложные части сборника сопровождаются предисловиями на абхазском языке, а непонятные слова текста комментированы.

Кроме фольклористов, этот сборник интересен и для историков, языковедов, этнографов.

Большая часть книги содержит абхазские пословицы (стр. 11 — 68). Их собирал и над ними на протяжении 25 лет работал Д. Гулиа.

Собранные Д. Гулиа загадки и скороговорки на абхазско-русском языке впервые вышли в 1907 году в Тбилиси. Пополненное издание его абхазской части было напечатано в 1919 году в Сухуми.

Интерес к пословицам среди фольклористов мира за последние годы весьма возрос. В 1938 году в Лондоне был опубликован сборник всемирных пословиц «Rasial proverbs», составленный S. Gurney Champion-ом. Над этим капитальным сборником составитель работал в течение трех десятков лет. В нем собраны пословицы 27 наций и почти с 20 разных языков переведены на английский язык. В нем и грузинским пословицам уделено внимание (193 — 194). В этом богатом сборнике упомянуты абхазские пословицы и скороговорки, записанные Д. И. Гулиа, а также его книга «История Абхазии». Так что Д. Гулиа известен как поэт, специалист и большой энтузиаст изучения Абхазии, абхазского языка, этнографии и фольклора не только в советской науке, но и за ее пределами. Его вышеназванная книга «Культ козла у абхазов» и брошюра «Охота и охотничий язык у абхазов» переведены на французский язык.

У абхазских пословиц сборника находим параллели в грузинских пословицах, и с этой стороны эта книга тоже интересна для грузинских фольклористов.

Примечательно, что пословицы (афоризмы) Ш. Руставели были, оказывается, распространены в Абхазии до того, как поэма «Витязь в тигровой шкуре» была переведена на абхазский язык.

Надо отметить, что Д. И. Гулиа издал афоризмы Руставели на абхазском языке отдельной брошюрой.

В абхазских пословицах встречаются такие параллели к афоризмам Ш. Руставели, как, например, — «Правду скажешь — и мертвого воскресишь» («Сборник...», с. 13, № 12).

У Руставели — ქმნა მართლისა სიმართლისა ხე' ა წიელქმს ხმელსა ნედლად (542,4).

В подстрочном переводе С. Иорданишвили —

«Когда правят правый суд, сухое дерево и то зеленеет».

Еще пример — «Глупый ненавидит своего наставника» («Сборник...», с. 15, № 48).

Руставели — გონიერსა მწვრთელი უყვარს, უგუნურსა გულს ა ჰგმირდეს (904,2).

В том же переводе —

«Разумный любит наставника, а неразумному он разит сердце».

Издание абхазского «Сборника пословиц...», составленного Д. Гулиа, несомненно положительный факт и заслуживает приветствия. Необходимо, чтобы научная организация, издавшая этот сборник, позаботилась и об издании абхазских сказок и этнографических материалов.

Раньше я запросто навещал семью Д. Гулиа, но после опубликования рецензии появляться у них постеснялся. Д. Гулиа, узнав, что я в Сухуми, «обнаружил» меня 9 января 1941 года и повел к себе домой. По пути он сказал: «Кажется, сборник я вам не посылал, а ведь заслужили первый экземпляр. Это моя оплошность!».

Супруга хозяина Елена Андреевна Гулиа, урожденная Бжалава (1893—1979) [11], поблагодарила меня за рецензию и упрекнула: «Приехали в Сухуми, почему же к нам не пожаловали?!» А Д. Гулиа спросил: «Мою фамилию в английском сборнике пословиц лично вы читали или же на нее кто-нибудь другой вам указал?» Я ответил: «Мне этот сборник сам автор прислал из Лондона».

Хозяева не отпустили меня в гостиницу. Я охотно

---

[11] См. некролог в газ. «Литературули Сакартвело» (Тбилиси, 1980, 4 янв., с. 4. На груз. яз.).

согласился, так как комната в гостинице не отапливалась, а здесь я оказался в раю.

Проговорили до двух часов ночи. Дмитрий Иосифович признавался: «Вот уже 35 лет, как я собираю синонимы и омонимы абхазского языка. В свое время такой материал вместе со сказками я послал Завадскому и Лопатинскому, а после того, как мой материал каким-то путем издали в русском переводе в Баку, без указания на собирателя и переводчика, я перестал пересылать материалы другим».

В этот же период произошло печальное событие. В конце 1940 года я из Сухуми послал новогоднюю поздравительную телеграмму супруге моего учителя — А. А. Марр — в Ленинград. Телеграмму получил обратно с припиской: «Адресат скончался». Об этом я тотчас сообщил Д. Гулиа и А. Чочуа. Они тоже опечалились. Я составил некролог на А. А. Марр, и при содействии Д. Гулиа 10 января он появился в газете «Сабчота Абхазети».

Много теплых слов произнес в адрес А. А. Марр Д. Гулиа и припомнил ряд интересных фактов: «Были мы в горах Бзыбского ущелья. Н. Марр забывал во время работы о еде, однако его супруга ухаживала за ним, как мать за ребенком.

Вернулись в гостиницу «Рица», — продолжает Гулиа, — на ужине тамада Нестор Лакоба спросил у гостя: «Николай Яковлевич, наша академия на самом ли деле академия?»

Н. Марр твердо ответил: «Во Франции стоит договориться двум-трем ученым, и академию организуют под каждым деревом. Вы — правительство, ученые — я, Д. Гулиа и другие — договорились, абхазский народ поддерживает нас, открыли академию, почему она не настоящая!?»

Д. Гулиа говорил о том, что Марр — единственный ученый не абхазец, отлично говорящий по-абхазски, который выговаривает сложнейшие звуки так же чисто и легко, как абхазцы.

Опять продолжает Гулиа: «Сидим мы в горном селе. Марр работает. Заходит более чем 100-летний абхазец, сзади юноша с кувшином идет, а другой — с едой на деревянном блюде. Старик издали поздоровался с ученым; Марр также ответил по-абхазски. Осушил старик рог с вином, передав его Марру, тот тоже выпил. Посидели, пировали, Марр всех развеселил...

В это время принесли говядину и сказали Марру: «В честь вашего приезда зарезали телку». Марру это не понравилось, и он ответил: «Я съем максимум фунт мяса, зачем проливать кровь?» И сколько его ни упрашивали, он мяса не ел».

Хочется сказать и о некоторых других фактах. Когда я один или вместе с профессором С. Н. Какабадзе гостил у Гулиа, хозяин нередко вспоминал эпизоды своих отношений с Н. Марром. Общее содержание его высказываний было такое: «Н. Марра, как прямолинейного гражданина и большого ученого, я всегда уважал, но некоторые его интересы противостояли моим интересам и мыслям, и здесь я расходился с ним».

Например, Гулиа приводил такой факт: «Во время учебы в Горийском училище я сблизился со школьным надзирателем и учителем Мачавариани, который посоветовал мне составить абхазский букварь. Я составил его с помощью педагога К. Д. Мачавариани. Этот «Новый абхазский букварь» основывался на букваре русской графики П. Услара и Бартоломея. В 1908—1909 годах я, К. Мачавариани и А. Чочуа опять уточнили тот же букварь. Тогда же А. Чочуа издал «Абхазский букварь». К этому букварю народ привык, и он упрочился.

Совершенно неожиданно в 1924 году летом [30 июня] была составлена специальная комиссия с целью аннулирования нашего букваря и принятия «Абхазского аналитического алфавита» Н. Марра, в основу которого положен латинский алфавит. В комиссию, которая должна была упразднить мою азбуку, ввели и меня! Я постарался уклониться, но из-за уважения к ученому Марру и его сторонникам воздержался. Приняли алфавит Н. Марра. Народ был на моей стороне. Комиссар просвещения А. Чочуа также писал Марру: «Не внедряется Ваш алфавит, затрудняются писать и читать, трудный он и для практического применения, в нем много дополнительных знаков над и под буквами...»

Н. Марр отвечал: «Упростите начертание букв так, чтобы не нарушить аналитический принцип...»

В своей «Автобиографии» Д. Гулиа пишет об этом так: «С первых же дней знакомства с Марром сблизился с ним (1912 г.). Это был увлеченный, горячий, глубоко и разносторонне образованный человек. Однако

предложенный им алфавит, принятый во многих республиках Кавказа [Sic!], мной был категорически отвергнут. Это резко охладило наши взаимоотношения. Абхазское правительство ввело алфавит Марра».

Надо заметить, что тогда Гулиа официально не очень-то отстаивал свой алфавит.

Отклоняясь от аналитического алфавита Н. Марра, некоторые старались упрочить в Абхазии распространенный в Советском Союзе, также латинизированный, алфавит татарско-азербайджанских языков. Однако этого не случилось — новый алфавит тоже не удержался. Таким образом, и в Абхазии вместо латинизированных был принят русский алфавит. «Мы вернулись к старому алфавиту на русской основе», — отмечает Гулиа («Автобиография»).

«Мой жизненный путь, — говорил он, — не был усеян розами, как кое-кому это сегодня кажется! Дореволюционным народным деятелям чиновники царской власти всячески мешали работать. И я с воодушевлением встретил свержение царского правительства и победу Великой Октябрьской революции. Коммунисты признавали, что я был и есть слуга своего народа, хотя отдельные работники смотрели на меня иначе.

В 1921 году организовалась абхазская театральная труппа. Я был руководителем этого передвижного театра, а моя супруга Елена Андреевна помогала театру в технической работе.

В 1924 году я был приглашен в Тбилисский университет, где в течение двух лет читал курсы абхазского языка и истории Абхазии. В это время в числе других моим студентом был Симон Джанашиа. В Тбилиси же я закончил книгу «История Абхазии». Иване Джавахишвили с ней ознакомился, он ее одобрил, и она была издана.

После того, — продолжает Гулиа, — как я с Н. Марром имел разногласия по поводу алфавита, Н. Марр боролся с теорией миграции и задел меня... Я разделял теорию миграции, Н. Марр был против нее, но в отношении меня критику эту другие обостряли, перенося ее на мои труды, например, на «Культ козла в Абхазии», который многим понравился и был переведен на русский и французский языки.

Н. Марр занялся баскско-абхазской теорией. Я увлекался языковыми связями с басками, и за это тоже кое-кто меня упрекнул.

Но, несмотря на это, в 1929 году меня назначили руководителем Абхазской академии языка и литературы, а Марр являлся ее почетным председателем».

Можно было бы вспомнить и другие рассказы Д. Гулиа, но лучше вернемся к моим наездам в Сухуми.

В 1940 — 1942 годах, когда я приезжал в Сухуми, мне кроме института приходилось бывать в редакции грузинской газеты «[illegible]» — «Сабчота Абхазети». Редактор Симон Чолокава, его заместитель Георгий Мерквиладзе, сотрудники Исаак Хинвели и другие относились ко мне с большим вниманием. Здесь были опубликованы мои статьи «Стихи Н. Марра о

А. Церетели» (24.VI 1940), «Акакий Церетели и Николай Марр» (2.VI 1940), «Гогебашвили и Абхазия» (27.X 1940), статья, посвященная выходу 1000-го номера газеты «Сабчота Абхазети» (25.VI 1940), и др.

В конце 1940 года я принес в редакцию статью «Н. Марр и абхазский язык». Ее передали для проверки Д. Гулиа, и он на ней надписал: «Статью Мегрелидзе о Марре можно не проверять. Однако я ее прочел, и она мне понравилась».

Ее опубликовали 1 января 1941 года. Она понравилась и читателям, по просьбе которых пришлось написать продолжение, напечатанное на страницах газеты 8 и 9 февраля.

И позже я продолжал сотрудничать в этой газете. Дмитрия Иосифовича больше не беспокоили, и тем не менее опубликованные статьи он непременно читал, делая мне иногда полезные замечания.

Осенью 1940 года в Сухуми, в центре приморского бульвара доцент Никандро Басилая познакомил меня с высоким сутулым пожилым человеком. «Александр Грен, — сказал он мне, — на факультете истории в нашем институте преподает латинский, по любому вопросу древней истории может прочесть лекцию экспромтом».

Я был знаком с трудами А. Н. Грена по вопросам мегрельского и кавказского фольклора и истории царицы Тамары, а также с критикой Н. Марра на мнение Грена о поэме «Амирандареджаниани». Наша беседа была сосредоточена в основном на этих вопросах. А. Грен утверждал: сказание об Амиране вошло на Кавказ из Ирана, а с грузинского перешло в осетинскую и абхазскую устную словесность. Я защищал мысль, что «Амираниани» — грузинский эпос.

Беседа переросла в спор. Вокруг нас собралась большая группа. Подошел возвращавшийся с работы Д. Гулиа. Узнав причину спора, поддержал меня. Сказал, что Амирани, по-абхазски Абрскил, налицо и в абхазо-черкесско-адыгейской устной словесности. Следовательно, это общекавказский эпос. Прометей — двойник Амирани на Кавказе — заимствован греками. Это подтверждается и тем фактом, что сами греки считают Прометея прикованным к Кавказским горам, а не к Олимпу.

От Гулиа я услышал много нового о нартах. Это сказание я знал тогда сравнительно плохо. Грен считал нартский эпос ирано-осетинским, а Гулиа — абхазо-черкесским.

Закончилась для меня эта увлекательная беседа в гостях у Гулиа.

С ним и Греном я и потом встречался не раз в исследовательском институте и на бульваре. Они любили проводить здесь «перипатетические» беседы и всегда собирали много слушателей. Гулиа относился к старшему другу с абхазской вежливостью, но в спорах не уступал. Грену сравнительно трудно было спорить по вопросам Абхазии и грузинской истории, и поэтому он нередко переводил беседу на древнюю историю Кавказа. Но Гулиа и здесь проявлял свою широкую образованность.

Продолжая в 1940 году работать над переводом поэмы «Витязь в тигровой шкуре», Д. Гулиа часто обращался за помощью к С. Джанашиа и К. Ломтатидзе. В дальнейшем С. Какабадзе и я помогали ему в этом деле.

Особое внимание уделял он афоризмам, старался уточнить их перевод. Хорошо помню, как он говорил нам: «Руставели водил меня по вершинам поэзии. Он показал новый мир, благодаря ему я углубил свои познания в грузинском языке, он сделал из меня «археолога». Да иначе и нельзя было бы перевести на младописьменный абхазский язык богатейшую лексику поэмы. Как археолог ищет древностей, так и я искал в абхазском языке соответствия грузинским словам, производил «раскопки» в народной словесности и диалектах, вновь и вновь возвращался к народному эпосу и песням. Однако все же пришлось создать множество новых слов, изобрести совершенно новые формы. С такими словами я знакомил знатоков абхазского языка, советовался с ними, некоторые предлагали более подходящие слова, и я часто пользовался их вариантами. Прямо удивительно, что может сделать с человеком желание».

Д. Гулиа говорил: «Поверьте, Руставели научил меня абхазскому языку. Если бы я сперва перевел «Витязя в тигровой шкуре», а потом начал писать свои стихи, они выглядели бы совсем иначе...

Руставели влияет не только на грузинских писателей, но и на писателей тех народов, на языки которых переведена эта поэма. Ее художественная речь неисчерпаема, полностью перевести ее на другой язык невозможно» [12].

В 1941 году вышел абхазский перевод Д. Гулиа поэмы «Витязь в тигровой шкуре» (существуют также издания 1953-го и 1959 годов). Переводчик чувствовал себя счастливым человеком. «Мне кажется,— говорил он, — с его выходом у меня гора с плеч свалилась».

Переводил Д. Гулиа с грузинского на абхазский язык и другие произведения: повесть Д. Чонкадзе «Сурамская крепость», поэму И. Чавчавадзе «Разбойник Како», стихи других грузинских авторов. Однако, если бы Д. Гулиа перевел только поэму Ш. Руставели, он все же остался бы великим переводчиком и деятелем не только абхазской, но и грузинской культуры.

В начале сороковых годов, кроме С. Какабадзе и меня, в Сухуми приезжали лекторы: Андрей Бенашвили, Гиго Бакрадзе, Георгий Джавахишвили, Гиви Гачечиладзе, Ольга Соселия, Михаил Квеселава и другие. Проверяли Педагогический институт Михаил Зандукели, Николай Бердзенишвили и Михаил Чхетиа. Приезжали на отдых Корнелий Кекелидзе и его супруга. К. Кекелидзе прочел лекцию в институте о поэме «Витязь в тигровой шкуре». На лекции присутствовал и Д. Гулиа.

Однажды, уже в годы войны, неподалеку от дома Д. Гулиа (ул. Советская, 7) шли хозяин, К. Кекелидзе и я. Видим, едет арба, с быками и аробщиком. Вдруг быки остановились. Д. Гулиа прослезился. «Человека, потерявшего сына, зятя, брата или кого-нибудь из близких, быки узнают и сочувствуют ему. Абхазцы верят в это!» — заметил он, удрученный мыслями о пропавшем без вести сыне Володе. Корнелий Кекелидзе задумался, с огорчением кивнул головой и обратил взгляд куда-то в сторону. Он сочувствовал ему и, наверное, думал о своем подобном горе...

Однажды Д. Гулиа меня спросил: «Не сможете ли вы устроить мою дочь Татьяну аспирантом к Серги Дане-

---

[12] Ср.: Гулиа Д. И. Как я перевожу «Витязь в тигровой шкуре». — Советская Абхазия, 1937, 27 дек., с. 3.

лиа? По русской литературе лучшего специалиста в Грузии не нахожу».

Вскоре в Тбилисском университете состоялась острая дискуссия о мировоззрении Важа Пшавела в связи с докладом С. Данелиа. Мне понравилась позиция Данелиа, и я выступил в его поддержку. На другой же день я пришел к нему домой и передал просьбу Гулиа. Он согласился.

В настоящее время Татьяна Гулиа, в прошлом доцент Сухумского педагогического института, заведует мемориальным музеем отца.

В годы Великой Отечественной войны проезд от Тбилиси до Сухуми весьма усложнился. Загруженный в трех местах, я решил заменить себя кем-то в Сухуми. В это время ко мне приехал успевший выбраться из Ленинграда до его блокады мой бывший ученик Георгий Иорданович Датукишвили (1914—1948). Договорившись с ним и получив согласие от министерства, я передал ему свои сухумские часы. Но случилось так, что его загрузили, а меня не освободили! Как потом выяснилось, это было осуществлено по настоянию Д. Гулиа.

Приехавшие проверять институт профессора М. Зандукели, Н. Бердзенишвили и М. Чхетиа посещали некоторые лекции. Работали они с утра до ночи, так как в институте были и вечерние отделения.

В один прекрасный день на двух разных курсах провел я по четыре часа. Девятый час — на русском отделении — начинался вечером. В профессорской кроме меня находились М. Зандукели и Н. Бердзенишвили. Так как в тот день больше некого было проверять, я пригласил их на свою лекцию. В это время явился Д. Гулиа. Он обратился ко всем троим: «Рамазан соблюдаете или в чем дело? Пойдемте перекусим!» Мы решили сделать это после лекции.

Аудитория оказалась полной. Гости полтора часа без перерыва слушали меня, а потом все вместе направились к Д. Гулиа.

За столом разговор зашел о тогдашних трудностях. А Гулиа признался: «Я просил ректора института не отпускать Мегрелидзе, и он дал согласие...».

С 1942 года больше я на лекции в Сухуми не приезжал. Однако в семье Д. Гулиа в 1947-м и последующих годах бывал. Хозяин выглядел бодро. Но когда в 1954 году справляли 80-летие со дня его рождения, он уже был тяжело больным.

Спустя некоторое время в театре им. Руставели в Тбилиси проводили вечер, посвященный Д. Гулиа. Супругов Гулиа я навестил заранее. Дмитрий Иосифович чувствовал себя неважно. Елена Андреевна вручила мне два пригласительных билета, да один билет я имел от Союза писателей и на вечер пригласил своих друзей. Настоящим праздником был этот вечер! С заключительным словом выступил юбиляр. Его короткое, но глубоко содержательное выступление оставило большое впечатление!

В 1960 году в возрасте 86 лет Дмитрий Иосифович Гулиа скончался. Его тепло проводили в последний путь близкие и вся общественность Абхазии. Немеркнущую память о нем сохранит в сердцах не только родной народ, но и все, кто любит доброе и мудрое слово поэзии, кому близка история абхазской культуры.

Ниже предлагаем письма Д. И. Гулиа, адресованные Н. Я. Марру, которые хранятся в Ленинградском отделении Архива АН СССР (ф. 800).

ПИСЬМА Д. И. ГУЛИА Н. Я. МАРРУ

1

19.IX. 1921
Сухум

Глубокоуважаемый Николай Яковлевич!

Первым долгом разрешите мне пожелать Вам доброго здоровья.

За сим сообщаю, что мы, абхазцы, которым Вы давали разные поручения, могу сказать, что ничего не сделали. Правда, общей силой выпустили две книги — часть II, после азбуки книга для чтения, и ч[асть] III, до 5 пьес я перевел с груз. и с рус. языков и издал, также составил календарь на абх. яз., который выходит в эти два года, книжку — как выбрать хорошую молочную корову и другую книжку — как выбрать здоровую рабочую лошадь, издал второй раз более полную книж-

ку — сборник абх. пословиц, скороговорок и загадок; правда, одно важное дело сделали — газета на абх. языке уже выходит еженедельно с 27 февраля 1919 г. Первый раз я был редактором этой газеты до установления в Абхазии Сов. власти, т. е. до марта месяца с. г., а теперь редактором состоит М. Лакербая. Мною собраны несколько десятков абх. сказок и заговоров и т. д. Только одно важное дело — это составл. истории абх. народа. Над составлением этой истории я давно без шума работал, а теперь могу сказать, что немного поработал, но не решаюсь издать, пока с Вами не посоветуюсь; пока я не прочту Вам, боюсь издать, или кому-нибудь ученому-историку не прочту и пока он не одобрит, скажу откровенно, что даже и боюсь издать. Я много нового вношу туда, — эти новые факты, пожалуй, повлияют на историю соседних народов... Могу смело сказать, что ученым следует обратить внимание на наш абх. яз. и попутно с этим и на историю абх. народа. Абх. язык, абх. слова, название местностей в Абхазии много ценного дают для истории не только абх. народа, но и друг. народностей Кавказа, в этом я убедился...

Простите за мою небрежность.

Искренне Вам преданный

Димитрий Гулия

2

23.VII.1925
Тифлис

Глубокоуважаемый Николай Яковлевич!

Неделю тому назад я послал Вам в Ленинград на имя Академии Наук один экз. моей книги «История Абхазии» т. I.

Вы меня сильно обяжете, если в частном письме сообщите мне, с одной стороны, о всех замеченных Вами недочетах и недостатках моей работы, а с другой стороны — выскажете соображения о фактах и материалах, подтверждающих те или иные мои гипотезы и мнения.

Я был бы очень благодарен Вам, если бы увидел в одном из выпусков Вашего Яфетического сборника или в другом органе научной прессы или в газ. «Заря Востока» рецензию о моей книге, которая, во всяком

случае, является интересным собранием крох того материала, который история уделила нашей бедной, маленькой Абхазии.

Ваши Яфетические сборники и последние Ваши труды меня сильно интересуют, но здесь, в Тифлисе, я достать не мог... Не решаюсь Вас беспокоить.

В ожидании Вашего справедливого — авторитетного отзыва

Ваш Д. Гулия

Адрес мой: Тифлис, Анастасьевская, 23.

3

27.X.1925
Тифлис

Глубокоуважаемый Николай Яковлевич!

Я недавно от брата узнал, что Вы были в Сухуме. Если бы я это знал вовремя, мог приехать к Вам, но об этом мне никто не дал знать. Видеть Вас я давно желал, но как бы нарочно все умолчали о Вашем приезде.

Писал в Наркомпрос и брату выслать один образец отпечатанной азбуки латинским шрифтом, но Чочуа передал брату, что у них имеется один только экземпляр, потому отпустить он не может ему. Таким образом, я не имею и по сие время образца Вашего алфавита; главным образом я бы желал иметь образец рукописи, чтобы, как пробу, записать несколько абхазских сказок или составить брошюру на какую-нибудь тему из абхазской жизни, с помощью этого алфавита...

Я оба Ваши письма получил; из второго узнал, что Вы получили мою книгу. После первого письма я немедленно отправил Вам второй экземпляр, надеюсь, что Вы получили и второй экземпляр.

Сильно жалею, что я не мог встретиться с Вами в Абхазии.

Яфетический сборник и другие Ваши работы пока я не получал; вероятно, Ваша канцелярия была летом занята. Не теряю надежды на получение Ваших работ.

Искренне преданный Вам Д. Гулия

4

2.I.1926
Тифлис

Глубокоуважаемый Николай Яковлевич!

С большим удовольствием получил я от Вас Вашу грамматику древне-грузинского языка и Яфетический сборник (III т.) и благодарю Вас за присылку этих изданий.

Мною закончена работа «Дополнения и исправления к работе Услара об абхазском языке». Ввиду важности для грамматики абхазского языка моих замечаний и наблюдений, не найдете ли Вы возможным принять мой труд (16 — 18 стр. формата сборника) в один из ближайших номеров Яфетического сборника?

Продолжаю работать над составлением II тома моей «Истории Абхазии».

С пожеланием всего наилучшего в Новом году.

Преданный Вам Д. Гулия

5

26.II.1926
Сухум

Глубокоуважаемый Николай Яковлевич!

Совнарком Абхазии пригласил меня для работы в Совнаркоме по практическому проведению в жизнь абхазского языка, как одного из основных государственных языков Республики.

Пока у меня дело идет слабо. Стараюсь создать терминологическую комиссию при Абцике. Об этом я уже подал заявление. По организации таковой комиссии надеюсь, что у меня пойдет дело успешно.

В скором времени собираюсь приступить к печатанию своих брошюр по этнографии Абхазии.

По отпечатании немедленно будут Вам высланы мною.

Преданный Вам Д. Гулия

г. Сухуми, Советская, 7.

6

28.III.1926
Сухум

Глубокоуважаемый Николай Яковлевич!

Я получил письмо Ваше от 9.II.1926 г., в коем Вы спрашиваете, дошло ли до меня Ваше письмо от 3.XI и книги Яфетический сб. III и грамматика древн.-груз. языка. Я получил письмо и книги, за что приношу Вам глубокую благодарность. Я их получил еще в Тифлисе. О получении означенных книг я писал Вам в декабре, но почему не дошло до Вас мое письмо, я не знаю. В том письме я сообщал Вам, что мною закончена работа «Дополнения и разъяснения к книге П. К. Услара «Абхазский язык», и просил ввиду важности для грамматики абх. языка моих замечаний и наблюдений (20—22 стр. формата сборника) поместить в один из ближайших номеров Яфетического сборника...

Что же касается Академии абх. языка и литературы — ничего особенного сообщить не могу. Устав на днях будет представлен в Совнарком на утверждение. После утверждения устава, я полагаю, дело пойдет успешно.

Преданный Вам Дм. Гулия

7

8.V.1930
Сухум

Глубокоуважаемый Николай Яковлевич!

Я на днях послал Вам мою брошюру «Терминология по литературе и языковедению». Она вышла с большими недостатками. Но все-таки за неимением лучшей она принесет кое-какую пользу нашим абхазам, занятым переводами с русского на абхазский язык.

Николай Яковлевич! в последнее время я собрал и записал около 500 слов омонимов и омографов, встречающихся в абхазском языке. Они, по-моему, нужны как абхазам, так и обучающимся абхазскому языку и лингвистам, интересующимся особенностями этого языка.

Также, как мне кажется, эта работа может послужить подмогой абхазам, изучающим русский язык, и особенно заострит их внимание на фактах подобных след.

Были случаи, когда ученик, абхаз, обращался ко мне с жалобой, что в классе такой-то ученик разбил зеркало. Иду узнать в чем дело — оказывается не зеркало разбил, а стекло. Еще другой пример: такой-то принес арбу дров, — между тем не принес, а привез; из Москвы вчера пришел такой-то, — между тем не пришел, а приехал и т. д. и т. д.

Правда, я не скажу, что, прочитавши эту брошюру, абхаз в дальнейшем не будет делать ошибок, но зная эти особенности языка, будет стараться не допускать их. Это предупредит их быть осторожными — не смешивать значения одного слова с другим.

Вот все, что я имел в виду, когда я собирал и записывал их. Возможно, что в лингвистике они имеют еще и другие значения — это больше всего Вам виднее.

Я примерно записал их в таком виде:

Asàrqıa — стекло, зеркало.
Axəшº — лекарство, порох, яд.
Aшº — дверь, сыр, бук.
ʻAurа — длина, получать рожать, — aurà — делать, урожай, — au'ra — молот (дерев.), неезженая (лошадь) — (омограф) и т. д.

В абхазском языке их можно найти, как я убедился, несколько тысяч.

Искандер Циташи посоветовал мне послать ее Вам.

Если Вы в этой работе находите какую-нибудь пользу — я вышлю Вам.

Привет Вам и Вашей супруге от меня и моей супруги.

Всегда преданный Вам Д. Гулия.

8

21.II.1934
Сухум

Глубокоуважаемый Николай Яковлевич!

Заранее прошу извинения за беспокойство, причиняемое Вам настоящим письмом.

Приблизительно 6 — 7 лет тому назад, перед Вашим отъездом во Францию, по Вашему требованию Вам была выслана моя рукопись «Абхазские наговоры» с переводом на русский язык. После того, как мне передавали тт. Хашба и Кукба, Вы распорядились относительно печатания, но по какой-то причине до сих пор не печатается, кажется, и не будет печататься.

Моя просьба к Вам сделать распоряжение о высылке ее мне, по адресу: г. Сухуми, Советская, 7, Д. Гулия.

Еще раз простите за беспокойство.

Преданный Вам Д. Гулия

АНДРЕЙ ЧОЧУА

Выдающийся работник просвещения и культуры родного абхазского народа Андрей Максимович Чочуа (1879 — 1965) известен и как советский государственный деятель, о чем рассказано в его подробной биографии [1]. Мы здесь остановимся лишь на основных вехах его жизни и скажем о нем, что он был скромным, но принципиальным тружеником.

А. Чочуа рано осиротел. В 1897 году он с отличием окончил лучшую в Абхазии Сухумскую горскую школу. Годы молодости и формирования мышления провел в Тифлисе, что имело огромное значение для всей его жизни. В 1901 году он окончил Тифлисскую школу садоводства и в том же году поступил в Учительский институт. По окончании института в 1905 году возвратился в Сухум и активно включился в педагогическую работу.

В 1909 году А. Чочуа издал используемый до наших дней учебник «Апсуа анбан» — «Абхазский букварь». Затем составил и напечатал две книги для чтения в абхазских школах; в соавторстве с В. Н. Мааном составил учебники русского языка для 2 — 4-го классов абхазских школ.

Перу А. Чочуа принадлежит выдержавший несколько изданий «Самоучитель абхазского, русского и грузинского языков», вышедший первым и вторым изданиями в 1926-м и 1934 годах и перепечатанный во втором томе его собрания сочинений, методические пособия «О лексических упражнениях» (т. 2, с. 79—116), советы-наставления учителям, воспоминания о развитии просвещения в Абхазии, статья о суеверии и вредных обычаях (т. 2, с. 128 — 137), «Вопросник для сбора материалов к составлению историко-экономического спра-

---

[1] См.: Чочуа А. М. Собр. соч. В 3-х т. Сухуми, 1968—1976. Далее приводятся ссылки на отдельные тома этого издания.

Ср. мои воспоминания под названием «Духовный отец», опубликованные в газетах «Сабчота Абхазети» и «Апсны капш» от 27 сентября 1979 г.

вочника Абхазии» и др. В «Рассказах для детей (Сухуми, 1962) А. Чочуа предстает как детский писатель. Значительны его мемуары о А. В. Луначарском, Н. Марре, Н. Джанашиа, П. Чарая, С. Чанба, Н. А. Морозове, В. П. Филатове и переписка с ними (т. 3).

А. Чочуа много сделал на посту председателя Абхазского культурно-просветительного общества (образованного в 1917 г.) и председателя Комиссии по охране памятников искусства, старины и природы при Наркомпросе ССР Абхазии.

Со дня установления Советской власти в Абхазии А. Чочуа занимал большие должности: в 1921—1924 годах он был заместителем, а в 1925 — 1931-м — наркомом просвещения Абхазии, в разное время — руководителем вузов и научно-исследовательских институтов. В 1921 году по долгу службы телеграфировал В. И. Ленину и наркому просвещения РСФСР А. В. Луначарскому (1875 — 1933) об открытии в Сухуми педагогического техникума (т. 2, с. 293). В дальнейшем состоялось и его личное знакомство с Луначарским.

До 1927 года он был руководителем основанной осенью 1925 года в Сухуми по инициативе Н. Марра Академии абхазского языка и литературы (т. 2, с. 396—397). Выдающийся языковед считал А. Чочуа своей надежной опорой в Абхазии.

В 1931 году в Сухуми открылся Всесоюзный институт субтропических культур. С момента открытия по 1937 год А. Чочуа был его директором, в связи с чем сблизился с выдающимся ботаником, президентом Академии наук СССР в 1936 — 1945 годах В. Л. Комаровым и учеными его круга.

А. Чочуа был одним из инициаторов создания Сухумского государственного педагогического института и первым его директором (1932 — 1934), а также одним из попечителей сухумского драматического театра. С 1938 года А. Чочуа руководит Институтом абхазской культуры. Он является председателем Комитета терминологии абхазского языка, помогает просветительским организациям.

А. М. Чочуа вел большую государственную и общественную деятельность. В 1921 — 1938 годах он был членом ЦИК Абхазской АССР, в 1927 — 1931-м — членом ЦИК СССР, с 1938 года — депутатом Верховного Совета Абхазской АССР, в 1948 — 1958 годах — Пред-

седателем Президиума Верховного Совета Абхазской АССР. Он был депутатом Верховного Совета СССР третьего и четвертого созывов, депутатом и заместителем Председателя Президиума Верховного Совета Грузинской ССР. И на этих высоких постах большое внимание уделял он делу народного просвещения и заботился об улучшении условий жизни его работников.

С Андреем Максимовичем я познакомился в 1934 году, хотя слышал о нем немало лестного еще до этого, в частности знал, что его — студента, участника молодежного движения в Тифлисе — подвергали притеснениям как политически подозрительную личность. Более всего памятна для меня деятельность Чочуа как руководителя научных учреждений.

В Ленинграде я руководил изданием вышеупомянутого сборника Н. Я. Марра «О языке и истории абхазов», который выходил в 1937 году под грифом Института абхазской культуры Грузинского филиала АН СССР. В нем были собраны все исследования ученого, посвященные Абхазии. В октябре того же года выход сборника был приостановлен. По этому поводу я обратился к руководству издательства АН СССР и акад. В. Л. Комарову. Решили командировать меня в Сухуми. Комаров посоветовал: «Обратитесь к руководителю Института абхазской культуры Чочуа, его подписи об издании на первом листе сборника для меня достаточно».

Хотя в Сухуми у меня были родственники, жил однокурсник по Тбилисскому университету Терентий Кецба, в областном комитете партии работал мой друг В. Кукба и т. д., однако я решил остановиться в гостинице. Когда я приехал, А. Чочуа помог мне устроиться в гостиницу «Рица» и при этом шутливо сказал: «Моя супруга приказывает, чтобы вы обедали у нас».

Вместе с А. Чочуа мы побывали в обкоме партии, где просмотр сборника был также поручен ему. Днем мы работали в институте (который находился на ул. Ленина, д. 22), а вечером у него на квартире.

В первых числах января 1938 года я привез сигнальный экземпляр сборника в Сухуми, и 5 января 1938 года А. Чочуа подписал его к печати. В апреле книга была у нас на руках. К этому времени А. Чочуа уже был утвержден директором Института абхазской культуры. Экземпляры сборника я послал директору

и библиотеке института. В ответ получил телеграмму А. Чочуа: «Сборник всем понравился, срочно вышлите 10 экземпляров для руководящих товарищей». Ниже публикуем письмо, в котором А. Чочуа просит еще 50 экземпляров.

В издательство поступали телеграммы от филологов и частных лиц с просьбой выслать им сборник. Однако книга печаталась тиражом 1200 экземпляров, а этого было совершенно недостаточно даже для москвичей и ленинградцев! Этот сборник и позже разыскивали многие специалисты. А в 1951 году некоторые случайные личности в науке «распятием» грозили мне за его опубликование! Да, история науки знает такие курьезы!..

Замечу, экземпляр, посланный мною А. Чочуа, с моею подписью и датой 11.IV.38, и по сей день хранится в личной библиотеке адресата, которая теперь принадлежит его зятю доктору филол. наук Х. С. Бгажба.

Привожу текст письма А. Чочуа.

«Глубокоуважаемый Иосиф Варфоломеевич[2]!

Благодарю за внимание. Получил книгу Н. Я. Марр[а], а также библиотека Института получила. Большое спасибо за передачу полагающихся авторских экземпляров вдове Марр. Ввиду того, что договор об издании книги «О языке абхазов» нарушен издательством, я заготовил было ответ на имя президента Акад[емии] В. Л. Комарова, в котором я просил распорядиться выдать авторские экземпляры вдове Марр, выплатить ей же полагающийся гонорар и прислать Институту абхазской культуры 50 экз. книг. Теперь отпадают авторские экземпляры, а относительно остального на днях напишу в Академию. В конце первого квартала был обследован наш Институт бригадой профессоров Грузфилиала [АН СССР]. Поставили перед абхазск[им] правительством ряд принципиальных вопросов. По докладу этой же бригады Ученый совет Грузфилиала вынес решение по весьма актуальным вопросам по упорядочению и работе Ин[ститу]та.

Полагаю, что при непосредственной конкретной помощи Грузфилиала работу в Ин[ститу]те поставим на должную высоту.

---

[2] В подлиннике — Виссарионович.

Горячий привет акад. Мещанинову и проф. Дондуа. Крепко жму Вашу руку. Всегда готовый

11.V.38

Ваш Чочуа

P. S. Иосиф Варфоломеевич! Не откажите спросить Ивана Ивановича Мещанинова относительно книги Б. А. Куфтина. Два раза телеграфировал ему, но ответа не последовало.

А. Чочуа

В 1939 году летом я опять приехал в Сухуми. Встречали меня с искренней благодарностью. Все хвалили сборник. А. Чочуа поблагодарил меня за опубликование части писем, присланных Н. Марром в его адрес [3], и заметил: «Меня не удивляет, что Н. Марр знал абхазский язык по-научному лучше всех других ученых, поражает то, что он его усвоил практически».

В беседе со мною А. Чочуа припоминал: «Абхазия присоединилась к России в 1810 году. Первую школу открыли в ней в 1851 году, и то не в центре, а в селе Окуми, и то русскую. Когда я начал работать в Комиссариате просвещения, учительствовало около 20 абхазцев, эту цифру через пять лет с трудом увеличил я до ста.

Мои старшие друзья и я, заботившиеся о просвещении в Абхазии, сами же создавали соответствующие условия для этого. Мы стремились подражать, — говорил А. Чочуа, — таким грузинским деятелям, как Р. Эристави, И. Чавчавадзе, А. Церетели, И. Гогебашвили, грузинским и русским революционерам, которые осуждали царский режим».

Кто были эти «мы»? Весьма маленькая группа — Д. И. Гулиа, А. М. Чочуа, С. Я. Чанба, Н. С. Джанашиа, П. С. Шакрыл, Р. И. Какубава и другие [4].

Можно напомнить читателю, что после Великой Октябрьской революции многие народы создали свой алфавит. Некоторые народы отказались от ранее принятого русского и предпочли интернациональный ла-

---

[3] См.: Марр Н. Я. О языке и истории абхазов, с. 294 — 304.

[4] Ср.: Чургулиа О. Г. Дмитрий Гулиа. Тбилиси, 1974, с. 18. На груз. яз.

тинский алфавит. Так называемая «латиница» пробивала в то время себе путь. Недооценивались преимущества и большая перспективность русского алфавита. Аналитический алфавит Марра также основывался на латинском алфавите. «Нас сегодня должен интересовать переход всего Кавказа на единый алфавит»[5], — писал Н. Марр, имея в виду, в первую очередь, бесписьменные народы Кавказа.

А. Чочуа вспомнил этот факт и заметил, что этим Н. Марр обидел многих грузин. Некоторые его обвинили в создании абхазской академии раньше грузинской. Я напомнил Чочуа, что Марр еще в 1905 — 1906 годах старался основать грузинскую академию наук, в связи с чем опубликовал проект этой академии[6].

Чочуа заговорил о тех трудностях, с которыми Марр столкнулся во время попытки внедрения своего аналитического алфавита в Абхазии. Он выпустил книгу «Абхазский аналитический алфавит»[7]. Однако этот алфавит не укрепился в школах, народ по-прежнему предпочитал русский алфавит и впоследствии на нем остановился.

А. Чочуа знал, что этому событию предшествовали мероприятия, которые осуществлялись Всесоюзным центральным комитетом нового алфавита (ВЦК НА) при Совете Национальностей ЦИК СССР. И в старой России были попытки использования латинского алфавита даже для некоторых славянских языков, после Октябрьской революции еще более распространившиеся. Известно, что к концу 1933 года из 70 млн. советского населения 22 млн. пользовались этой «латиницей». Ведущую роль в этом играл Азербайджан.

Осенью 1933 года было проведено специальное совещание у наркома просвещения СССР Андрея Сергеевича Бубнова (1883 — 1940). Собранием руководил Председатель ЦИКа М. И. Калинин. Здесь вместо «латиницы» был рекомендован русский алфавит.

Чочуа знал об этом понаслышке. По его просьбе

---

[5] Марр Н. Я. Чем живет яфетическое языкознание. Пг., 1923, с. 2.

[6] См.: Для марксистского языкознания. Тбилиси, 1934, с. 330—333. На груз. яз.

[7] Марр Н. Я. Абхазский аналитический алфавит. Л., 1926. См. также в сб.: Марр Н. Я. О языке и истории абхазов, с. 226—293.

я дал ему кое-какие пояснения. В тот же день Чочуа рассказывал об этом дома так: «Был поставлен вопрос о едином алфавите в Советском Союзе — русском, однако Марр защитил грузинскую и армянскую письменности, М. И. Калинин предпочел не спорить с Марром по этому вопросу. Другие обстоятельства также укрепляли положение грузинского алфавита, и он остался. Марр отметил: «Изменение грузинского и армянского алфавитов по-научному и политически нецелесообразно — тем более, что на этих письменностях существует столько рукописей и печатной литературы, что их изменение даже при существовании на это возможности — неэкономно». Именно Марр, — добавил Чочуа, — мог поставить интересы народа выше своих научных интересов. К тому же он не смог пожертвовать родным грузинским алфавитом, преимущества которого провозглашал все время и говорил: «По знакам звуков грузинский алфавит полнее всех других алфавитов, он может удовлетворить потребности письменности любого языка».

Следует отметить, что в связи с этим некоторые лица выражали недовольство: «Если бы Марр согласился, в СССР была бы единая письменность». В настоящее время, напротив, многие гордятся, что из 14 мировых фонетических письменностей три — грузинская, армянская и русская — существуют в Советском Союзе, а в Прибалтийских республиках пользуются и латинским алфавитом.

К этому хочу добавить, что вышеупомянутое совещание было последним значительным мероприятием, в сложной и весьма ответственной работе которого участвовал Н. Марр. На другой же день по возвращении из Москвы в Ленинград, 15 октября 1933 года, Н. Марр в Институте языка и мышления Академии наук СССР, директором которого он являлся, провел расширенное заседание ученого совета. На нем присутствовали ведущие языковеды, литературоведы и некоторые партийные руководители. Марр с присущей ему пламенностью говорил о большой перспективности принятого в Москве постановления о русском алфавите, о значении сохранения грузинской и армянской письменности. Здесь же на заседании Н. Я. Марр почувствовал себя плохо, у него произошло кровоизлияние в мозг, и 20 декабря 1934 года он скончался.

Как было сказано выше, к концу 1939 года из Ленинграда я переехал работать в Тбилиси. По совместительству читал лекции в Сухумском педагогическом институте и часто бывал у А. Чочуа.

Супруга А. Чочуа Александра Владимировна, урожденная Сигина, полька по отцу и грузинка по матери (Борчхадзе), придерживалась обычаев грузинского гостеприимства. Вместе с ними жила невестка Надя (Надежда Зосимовна, урожденная Хабурзания) и внучка Жанна, единственная тогда их надежда. Я посоветовал Наде поступить в Тбилисский педагогический институт. Этот совет был всеми встречен с радостью. «Молодая женщина, оставшаяся без мужа, хоть учебой отвлечется, а Жанну мы воспитаем так, что ни в чем нуждаться не будет»,— говорил по этому поводу Андрей Максимович.

В годы Великой Отечественной войны мы, лекторы, продолжали ездить в Сухуми. С питанием было трудно. Чочуа и Гулиа предупреждали: «Не стесняйтесь, милости просим обедать у нас», и нужно сказать, когда мы к ним заходили, Елена Андреевна Гулиа и Александра Владимировна Чочуа даже в тех трудных условиях принимали нас с большим радушием.

В те дни А. Чочуа сожалел, что институт сократился наполовину (как мы тогда думали) как по числу лекторов, так и по количеству студентов. Однако после опубликования книги Ш. И. Басилая об этом институте мы узнали, что в 1940/41 учебном году в институте числилось 2076 студентов, а в 1941/42 — 542 [8]. Оказывается, сокращение произошло не вдвое, а вчетверо!..

Положение приехавших в Сухуми лекторов осложнялось тем, что по полученной в Тбилиси продуктовой книжке ни в Сухуми, ни в другом месте хлеб не выдавался. И вот во время одного из приездов в Сухуми нам выдали по пяти килограммов початков кукурузы. Зоолог Г. А. Джавахишвили заметил: «Раньше мы, карталинцы, не ели кукурузных лепешек, а теперь охотно едим их и очень благодарны за это». А когда в обкоме партии мы попытались узнать, кого конкретно благодарить за заботу, было названо имя А. М. Чочуа.

---

[8] См.: Басилая Ш. И. Сухумский государственный педагогический институт им. А. М. Горького: (Краткий очерк). Сухуми, 1962.

Я посетил А. Чочуа, поблагодарил его от себя и от имени своих товарищей и между прочим передал слова акад. К. Кекелидзе: «Если в Сухуми так внимательны к лекторам, я бы тоже ездил...» Чочуа оживился и поручил мне уговорить К. Кекелидзе приехать в Сухуми хоть на один семестр.

К. Кекелидзе приехал в Сухуми с женой. Читал лекции по древнегрузинской литературе, гулял по набережной, ходил в гости. А. М. Чочуа и Д. И. Гулиа выразили благодарность руководству университета за то, что ему предоставили возможность приехать в Сухуми.

А. Чочуа был среднего роста, коренастый, широколицый, из-за слабого зрения носил толстые очки, был

спокоен в разговоре и размерен в ходьбе. Прекрасно разбирался во всех жизненных вопросах, был скромным человеком и приятным собеседником.

Несмотря на трудное детство, А. Чочуа прожил долго и до конца жизни сохранил трудоспособность. На пенсию ушел в 1958 году, однако продолжал творческую работу. Слуга народа, он много сделал для укрепления дружбы с братскими народами страны. Ему было присвоено звание заслуженного учителя школы ГССР, он был удостоен правительственных наград — орденов, медалей, почетных грамот. А. Чочуа скончался в возрасте 86 лет и был похоронен с большими почестями.

Как Дмитрий Иосифович Гулиа, так и Андрей Максимович Чочуа являлись духовными отцами абхазов своего времени.

25 — 30.VIII 1979
Сухуми

ПИСЬМА
А. М. ЧОЧУА Н. Я. МАРРУ

1

29.VII.25 г.
Сухум

Многоуважаемый Николай Яковлевич!

Присланный Вами алфавит произвел на всех нас невыгодное впечатление своей сложностью, трудностью начертаний букв и многочисленностью. На самом деле новый алфавит по общему впечатлению и внешнему виду кажется сложным и начертание отдельных букв — очень трудным.

Прежде, чем иметь суждение об алфавите на официальном заседании и выносить определенное и окончательное решение, я рассмотрел его в кругу близких мне по работе лиц, интересующихся новым алфавитом и вообще абхазской письменностью. После детального рассмотрения и обмена мнениями пришли к следующему выводу:

1) печатный алфавит на отдельном листе многочисленен, сложен, труден для письма и производит нерасполагающее впечатление;

2) рукописный же текст довольно красив, приятен для глаза, и общее впечатление — приятное;

3) в рукописном тексте почему-то отсутствуют многие буквы из печатного алфавита;

4) начертание одних и тех же букв производится различно, так что трудно установить точное начертание их;

5) желательно начертание звуков совершенно отдельными буквами, а не комбинированными;

6) не вводить в новый алфавит прописных букв;

7) рекомендовать всем интеллигентам-абхазцам по возможности детально ознакомиться с новым алфавитом.

Ряд съездов и конференций, частые выезды ответработников-абхазцев, широкое ознакомление с новым алфавитом затормозили окончательное решение о принятии нового алфавита.

Недавно, перед моим выездом на отдых в Анапу, при ЦИК устроено было совещание абхазцев, и здесь подтверждено было вышеприведенное мнение об алфавите, но принципиально все участники совещания высказались за переход на новый алфавит.

Вместе с тем совещание нашло необходимым принять алфавит только при Вашем непосредственном личном участии.

Ввиду изложенного убедительно прошу Вас, Николай Яковлевич, не отказать в сообщении, не представится ли возможным приезд Ваш в Абхазию в конце лета для окончательного принятия нового алфавита. Путевые расходы, стол и квартиру с благодарностью примем на себя.

Искренне уважающий Вас А. Чочуа

2

16.IV.26 г.
Тифлис

Глубокоуважаемый Николай Яковлевич!

Большое спасибо за то внимание, которое Вы всегда уделяете Абхазии. Вместе с письмом Вашим получил ответ Ваш о командировке в Абхазию, три экземпляра Вашего труда «Абхазский аналитический алфавит» и «Восточный сборник», где напечатан Ваш доклад. Письмо и отчет заслушали на заседании Академии абхазского языка и литературы.

Николай Яковлевич!

Вас больше всего интересует Академия абхазского языка и литературы. Я с нее и начну. В первое время к организации Академии многие, даже и те, которые не должны были, отнеслись весьма неодобрительно и даже с некоторой насмешкой, говоря, что в Абхазии открыли вторую Академию наук. Некоторые ответственные работники рекомендовали отказаться от названия Академии, а просто ограничиться Обществом по изучению абхазского языка и литературы. Но определенная группа абхазской интеллигенции твердо стояла на своем: во что бы то ни стало сохранить Академию в том виде, в каком Вы нам преподнесли, и придать ей жизненный характер. В данный момент Академия заседает раза два в неделю. Госплан Абхазии, по предложению Совнаркома, поручил Академии проверить, пополнить и исправить названия населенных пунктов Абхазии, для печатающейся в Москве карты Абхазии. Много времени потрачено Академией на выполнение этой работы. Затем на заседании Академии заслушан для одобрения ряд трудов об Абхазии как на абхазском, так и на русском языках. В связи с признанием абхазского языка государственным, ЦИК Абхазии признал необходимым организацию Терминологической комиссии, функции которой возложены на Академию. В связи с этим Академии приходится собираться часто. В заседаниях Академии принимает участие вся абхазская интеллигенция г. Сухума, включая сюда и учащихся. Некоторая заминка в работе Академии была в феврале и начале марта, когда я и Ашхацава (за-

меститель) были в отъезде. Я был в Тифлисе на съезде просвещенцев. Из Тифлиса должен был поехать в Баку на тюркологический съезд, но когда узнал, что Вы не будете на этом съезде, то отправил Басария, а сам остался в Тифлисе по делам. Басария съездом остался доволен. По приезде он сделал в Абхазско-научном обществе весьма интересный доклад о съезде. Устав Академии Совнаркомом еще не утвержден. Объясняется это тем, что Н. Лакоба почти все время в отъезде, а также и я. Без Лакоба вопрос об Академии в Совнаркоме нельзя ставить. По утверждении устава я немедленно несколько экземпляров вышлю Вам. Со шрифтом дело обстояло не совсем благополучно. Дело в том, что Наркомпрос заказал новый шрифт типографии, которая, ввиду выезда из Сухума заведующего типографией, не выполнила заказа. В данный момент окончательно сговорились, выбраны рисунки трафаретов, типография получила от Наркомпроса небольшую сумму денег и обязалась в возможно короткий срок доставить шрифт, чтобы к будущему учебному году успеть отпечатать хотя бы учебники по родному языку для школ 1-й ступени. Во время выбора рисунков нового шрифта группа членов Академии во главе с Ашхацава внесла на обсуждение вопрос об изменении порядка алфавита и упрощении начертания некоторых букв. Предложение свое группа мотивировала тем, что новый алфавит, принятый нами в том порядке, в каком он имеется, учениками и ими (членами группы) усваивается с большим трудом и быстро забывается, начертание же букв с надстрочными и подстрочными знаками также затруднительно. Обсудив детально этот вопрос, члены Академии признали возможным изменение порядка алфавита и упрощение начертания букв, если это не нарушит Вашей научной системы. На Ваше одобрение представляю алфавит группы членов Академии. Больше не будем беспокоить Вас, Николай Яковлевич, относительно нового алфавита. Пусть это будет последним. С моей точки зрения никакого упрощения нет, а потому следует оставить в том виде, в каком приняли, а через несколько лет можно будет говорить об упрощениях, когда будет у нас достаточный опыт и материал. При сем прилагаю алфавит в том виде, в каком группа желает расположить буквы и упростить их.

Николай Яковлевич!

Вас я не беспокоил бы опять с алфавитом, так как этот вопрос несколько раз решали, но не хочется мне, чтобы среди небольшого числа абхазцев были бы лица, недовольные новым алфавитом. Как говорил выше, большинство членов Академии за оставление алфавита в том виде, в каком мы приняли при Вашем участии в октябре 1925 г. В дальнейшем, чтобы Вы были в курсе дела, чем занимается Академия, будем информировать по возможности чаще о ходе работ. По окончании организационных работ, то есть утверждении устава, штатов Академии, подыскании помещения и др., я думаю поставить в Академии вопрос о выборе постоянного, настоящего председателя, более свободного, чем я. Намечаю Д. Гулиа или Басария. Они свободные и могут больше времени уделять Академии, чем я и Ашхацава.

В данный момент я в Тифлисе на совещании Наркомпроса Закавказья при Заккрайкоме. Совещание закончилось сегодня.

Николай Яковлевич! Не откажите сказать Виктору Кукбая, что мы, абхазцы, возлагаем на него большую надежду в будущем. Пусть использует должным и достаточным образом Ваше научное и особенное внимание к Абхазии и серьезность того научного учреждения, в котором он обучается благодаря Вам.

Глубоко уважающий Вас А. Чочуа

3

10.VIII.26 г.

Многоуважаемый Николай Яковлевич!

Я знаю, что Вы мною недовольны. Я заслуживаю этого. До сих пор не могу установить должного порядка, чтобы присылать аккуратно Вам протоколы заседаний Академии абхазского языка и литературы.

Прошу быть снисходительным ко мне. Все время приходится мотаться по делам, да и к тому же в Академии все бесплатные работники, вследствие чего хромает делопроизводство. Одно можно сказать, что мо-

жет Вас обрадовать, — это Академия делает свое большое культурное дело, столь необходимое в данный момент в Абхазии.

Вокруг Академии сгруппировались все, как говорится, от мала до велика, и все интенсивно работают. Заседания Академии устраиваются обязательно в неделю раз, а то и больше. На заседаниях разрешается всегда много вопросов: проверка печатной карты Абхазии, установление терминов на абхазском языке, чтение пьес и сценариев из абхазской жизни и т. д. Хотя задачи, возложенные на Академию, весьма высокие, но в наших условиях пока что приходится довольствоваться проделываемой работой. Положение Академии абхазского языка и литературы Совнаркомом Абхазии утверждено. Один экземпляр вместе с протоколами Академии при сем присылаю Вам. Штаты Академии, утвержденные Совнаркомом Абхазии, в количестве четырех штатных единиц, сокращены были на три человека Совнаркомом Грузии, оставили только одного ученого секретаря, которого утвердили не как секретаря Академии, а как секретаря Абхазского научного общества. Не знаю, чем объяснить непризнание Академии Совнаркомом Грузии? В связи с неудовлетворением вообще Абхазии достаточным числом штатных единиц, вопрос о штатах Абхазии был вторично поставлен в Тифлисе, и на этот раз при выпрямлении штатов Наркомпроса Абхазии удалось мне получить и для Академии двух работников через Абхазское научное общество.

Таким образом, с октября текущего года Академия будет иметь трех штатных работников, и тогда, нужно полагать, работа закипит вовсю.

Виктора Кукба, питомца [Вашего] Института, пристроил у себя в Наркомпросе в качестве технического секретаря Академии; он много работает и помогает лично мне по части переводов на абхазский язык различного рода текстов.

Николай Яковлевич! Нельзя ли в предстоящем году забронировать еще одно место в Институте для Абхазии? В этом большая необходимость. Виктор Кукба в восторге от Вас и от Института. Он считает себя счастливым, что попал в Ваши руки и в Институт.

Все мы надеемся, что из него будет толк.

Не взыщите за малосодержательность и неполноту протоколов.

Всегда готовый к услугам,
искренне уважающий Вас А. Чочуа

4

22.VIII.26 г.

Глубокоуважаемый Николай Яковлевич!

В своем письме от 10.VIII за несвоевременную информацию о ходе работ в Академии абхазского языка и литературы я извинялся и теперь извиняюсь. Я успокаиваю себя тем, что, когда я читаю Ваше письмо от 12.VIII, и Вы, по всей вероятности, читаете мое письмо от 10.VIII со всеми приложениями. В задержке информации о работе Академии и в присылке протоколов позже чем на полтора месяца отчасти виноват Виктор Кукба, который сообщил, что Вы из научной командировки вернетесь в Ленинград только в конце августа. Между прочим, он также говорил, что Вы будете осенью в Тифлисе и проездом в Ленинград посетите и Абхазию. Мы с нетерпением ждали Вас и полагали, что с Вашим приездом всякое сомнение, имеющееся еще кое у кого из нас, окончательно рассеется. Правду говоря, среди нас еще есть лица, которые скептически относятся к Академии и к ее работе. Они говорят, что Академия абхазского языка и литературы не должна заниматься установлением новых терминов, новых слов, составлением и исправлением названий населенных пунктов Абхазии, проверкой карты Абхазии, а должна заниматься научными докладами и разного рода научными вопросами и т. д. Для того, чтобы тормозить работу Академии, эти лица предлагали заслушать на заседании Академии вопросы вроде — пути развития абхазского языка и до каких пределов нужно его развивать. Но в Академии есть ядро, весьма спаянное, которое дает соответствующий отпор демонстрантам. Хотя к этим лицам не принадлежит Ашхацава, но почему-то он отстал от нашего ядра. Полагаю, что в ближайшем будущем он вернется к нам.

Прилагаю при сем алфавит на новом шрифте. Думаю, что предложенная Вами и принятая нами система выдержана. Правда, долго возились с прописными буквами, которых нет в Ваших трудах. Если есть какое-либо нарушение в системе, то, надеюсь, укажете. В связи с введением в Абхазии трех государственных языков — абхазского, грузинского и русского, все вывески для учреждений должны быть написаны на этих трех языках; причем все вывески на абхазском языке пишутся на новом алфавите и производят весьма приятное впечатление. В этой работе много помогает Виктор Кукба.

Совнарком Абхазии поручил Академии абхазского языка и литературы составить технические словари: абхазско-грузинский и грузинско-абхазский, абхазско-русский и русско-абхазский. Для составления указанных словарей Академия выделила из среды своей членов комиссии, которые уже приступили к работе. Если не затруднит Вас, то весьма желательно было бы иметь от Вас указания и советы относительно составления этих словарей.

Итак, Николай Яковлевич, конец всем колебаниям по поводу введения нового алфавита. В первых числах сентября приедет в Ленинград за новым шрифтом представитель Сухумской типографии, и надеюсь, что через три, в крайнем случае, пять месяцев печатание учебников на новом шрифте пойдет полным ходом.

На мое обращение от директора Института живых [восточных] языков Воробьева я получил телеграмму, в которой он сообщает, что прием двух стипендиантов Наркомпроса Абхазии решен положительно. Но я просил два места со стипендиями от Института. Между тем, по смыслу телеграммы стипендии должны быть от Наркомпроса Абхазии. Если это так, то навряд ли мы в этом году сумеем использовать эти места. Между тем два серьезных студента-абхазца очень желают поступить в Институт живых [восточных] языков. Не откажите, Николай Яковлевич, в содействии в предоставлении Абхазии двух мест со стипендиями от Института.

Искренне уважающий и преданный
А. Чочуа

5

10.1.27 г.

Глубокоуважаемый Николай Яковлевич!

В настоящее время у нас в Абхазии гостит профессор Н. Ф. Яковлев, который думает серьезно заняться изучением абхазского языка. Пока что он находит близкое родство абхазского языка с черкесским. Вчера имели с ним небольшую беседу. Перед выездом в Москву он думает сделать доклад о проделанной им работе в Академии абхазского языка и литературы.

Теперь о работе Академии. Мои надежды и предположения не оправдались. Штаты Академии, утвержденные в Абхазии и в Тифлисе, при утверждении сметы Наркомпроса вычеркнули в Тифлисе. Поэтому работа Академии пошла в прежнем порядке, т. е. немного слабовато. Но зато интерес к Академии среди абхазских масс несравненно возрос. Все знают, что Академия — научное учреждение, занимающееся изучением абхазского языка и литературы, и что члены его аккуратно собираются еженедельно по средам и двигают помаленьку научное дело. Большей частью заседания Академии многолюдные, собираются без особых приглашений. На заседаниях Академии по-прежнему ставятся вопросы грамматического характера, читаются статьи и разного рода труды об Абхазии, [разрабатывается] терминология и др. Заместителем председателя на место Ашхацавы избран Димитрий Гулиа, на место секретаря Аджинджала — Лакербая. В ближайшем будущем думаем произвести новые выборы. Нужно полагать, что после новых выборов работа Академии пойдет усиленным темпом. Об этом свидетельствует настроение членов Академии.

В начале текущего учебного года я побеспокоил Вас и ректора Воробьева относительно приема двух абхазцев в Институт [живых восточных] языков, и из этого ничего не вышло по нашей вине. Дело в том, что один из кандидатов заболел серьезно, а другой был переброшен на ответственную партийную работу, других более или менее достойных кандидатов не оказалось.

Новый шрифт заказан давно, часть уже получена, а остальная часть, по уверениям типографии, получится

в средних числах января, но мало верю этому, так как заведующий типографией любит подводить. В начале осени, как я писал Вам, для ускорения дела за шрифтом должен был приехать в Ленинград заведующий типографией. Но он подвел меня и не поехал. По просьбе Наркомпроса он получил командировку в Ленинград и командировочные от Наркомпроса, а ограничился поездкой в Тифлис, где и сделал заказ через какого-то представителя Полиграфтреста. Я поднял целую бучу, но безрезультатно: дело уже было сделано. Во всяком случае теперь все приходит к концу. Шрифт должен получиться в течение января. Имеются уже учебники, написанные новым шрифтом к напечатанию. Кстати сказать, в текущем бюджетном году не отпущено ни одной копейки на издательское дело, все вычеркнуто из нашей сметы. Подняли по этому поводу целую бучу. Обещали отпустить необходимую сумму. Ждем, посмотрим, что из обещания получится. Академия абхазского языка и литературы предполагает выпустить сборник стихов и статей учащихся-абхазцев. Академия уже изыскала необходимые средства путем устройства платного спектакля. Для подбора материала и редактирования его избрана комиссия в составе меня, Гулиа и Басария. Если шрифт получим в январе, то сборник отпечатаем на новом шрифте. С новым шрифтом знакомят учащихся г. Сухума. Предполагаем в конце учебного года устроить курсы по абхазскому языку. На курсы будут приглашены все учителя-абхазцы и ознакомлены основательно с новым шрифтом, а с будущего учебного года новый шрифт будет обязательным во всех абхазских школах.

Время от времени появляются статейки в нашей абхазской газете о сложности и некоторой непрактичности нового шрифта, но Ваш авторитет и окончательное наше решение о введении нового шрифта заставляют молчать авторов этих статей. До получения нового шрифта и достаточного усвоения широкой массой — вопрос о новом шрифте не будет ставиться нигде. О новом шрифте судят по внешнему впечатлению, а никто серьезно не знакомился и не изучал его.

Искренне уважающий и преданный
А. Чочуа

6

25.IV.27 г.

Глубокоуважаемый Николай Яковлевич!

Все члены Академии абхазского языка и литературы весьма были рады Вашему приезду с супругой.

Когда я стал читать Ваши письма на заседании Академии абхазского языка и литературы, то у всех на лицах заметно было желание поскорее увидеться с Вами, [чтобы] всех зарядить научной работой на продолжительное время и рассеять некоторые толки, существующие в связи с введением нового шрифта. И когда же дошел до места письма, где Вы просите сообщить о времени отхода пароходов из Туапсе и подыскании светлого здорового номера, то один из членов Академии предложил свои услуги на другой же день доставить требуемые сведения, лишь бы ускорить приезд Николая Яковлевича; другой предлагает свои услуги приготовить комнату, другие говорили, что если Николай Яковлевич едет на отдых, то нужно предоставить комнату в доме отдыха и т. д. Все это говорит за то, что все искренне желают видеть Вас у себя в Абхазии с супругой. Но полное огорчение получили мы все, когда узнали, что Вы не можете приехать. Но что же поделаешь, если в этот раз не удался Ваш приезд, то будем надеяться и с нетерпением ждать в ближайшем будущем.

За отсутствием средств у Наркомпроса Абхазии (сокращение уже утвержденной Москвой сметы Наркомпроса на $32^1/_2$ тыс. руб.) я обратился в Совнарком с просьбой об отпуске командировочных Хашба в Турцию в размере 600 рублей. Но ввиду отъезда Н. Лакобы из Сухума, а также С. Чанбы на съезд, мое ходатайство по сие время не удовлетворено. К тому же я заболел горлом. Запретив мне говорить, сначала делали прижигание, а затем сделали операцчю, и уже около трех недель не говорю и сижу дома. Думаю на днях приступить к исполнению своих обязанностей. Кстати, приехал Н. Лакоба, постараюсь с ним разрешить вопрос о командировке Хашбы. Сокращение сметы нашего Наркомпроса коснулось естественного роста и новых учреждений. Конечно, Академия абхазского языка и

литературы была вычеркнута в первую голову. Все же думал выделить небольшую сумму из общей сметы Наркомпроса, но пока что и это не удается: смета окончательно не утверждена, и сокращение на $32^1/_2$ тыс. руб. окончательно выбило нас из колеи. За средствами для Академии обратились в Совнарком, посмотрим, как откликнется на ходатайство Академии абхазского языка и литературы. Полагаю, что Совнарком ходатайство удовлетворит. Новый шрифт уже в Сухуми. Немедленно приступаем к печатанию учебников. На издание учебников тоже нет средств. Бездушная рука бюджетчика вычеркнула из сметы Наркомпроса сумму на издательство. Полагаю, что Совнарком в издании учебников окажет необходимую помощь. В конце учебного года (в июне) предполагал устроить курсы абхазского языка. Но ввиду того, что учебники не отпечатаны на новом шрифте, то пришлось курсы отодвинуть на август. К тому времени отпечатаем азбуку, первую и вторую книги для чтения. На курсы приглашаем проф. [Н. Ф.] Яковлева читать грамматику абхазского языка. В бытность свою в Абхазии проф. Яковлев сделал два доклада и произвел на всех нас серьезное впечатление. Будет очень хорошо, если учителей-абхазцев и интеллигенцию на курсах абхазского языка, кроме знакомства с новым шрифтом, будем знакомить с законами абхазского языка. К тому времени просим проф. Яковлева составить хотя бы остов практической грамматики абхазского языка. Не знаю, как Вы, Николай Яковлевич, посмотрите на это. Просил бы Вас, Николай Яковлевич, если Вы одобрите приглашение проф. Яковлева, то способствовать командировке его Институтом в августе в Абхазию. Но с непременным условием, чтобы новый наш алфавит в Вашей транскрипции был бы им одобрен, в противном случае между курсантами будут и могут возникать относительно нового шрифта разного рода толки. Бесконечно было бы хорошо, если бы Вы смогли присутствовать на этих курсах два-три дня. Но мы не смеем настаивать и беспокоить Вас. Хотел было написать о критике студента Московского государственного института журналистики Мушни Хашба относительно нового шрифта, но материал весь находится в Наркомпросе, а потому на этот раз приходится отложить, но постараюсь написать в ближайшее время. Конечно, это ни в коем случае не

повлияет на проведение в жизнь нового алфавита, а просто желательно знать Ваше мнение. Критику Хашбы еще не заслушали в Академии абхазского языка и литературы. Пока до свидания.

Желаю Вам крепкого здоровья.

Искренне и глубоко уважающий Вас
А. Чочуа

7

15.V.27 г.

Глубокоуважаемый Николай Яковлевич!

Не знаю, получили ли мое письмо, адресованное Вам в Баку через Наркомпрос Азербайджана. Если получили, то в письме я обещал возможно скоро написать о существующих мнениях о новом аналитическом алфавите и внесенных на рассмотрение в Академию абхазского языка и литературы. Первое. Мнение, как писал Вам, окончившего в этом году Государственный институт журналистики в Москве Мушни Хашба. Привожу это мнение. «Никого не удивлю я, если наш новый алфавит по его сложности и по его огромности назову китайским алфавитом. И для того, чтобы овладеть им ученику-абхазцу, сперва нужно быть художником — это также не удивит Вас, ибо об этом самом говорите и Вы тоже не так редко. Теперь, когда все подобные нам отстающие нации взялись за упрощение и развитие своего языка и своей письменности, мы, абхазцы, ради практического осуществления яфетической теории, наоборот, усложняем свой алфавит, делаем технически недоступным широкой массе трудящихся абхазцев. Нужно найти выход, а выход есть. Прежде, чем перейти к возможным сокращениям нашего алфавита, считаю нужным сказать несколько слов по поводу нашего стихосложения...» [1]

---

[1] Из этого письма на 15 страницах (в рукописи) опускаются 12 страниц — все, что касается стихосложения и нового алфавита.

Типография наша уже получила новый шрифт, приступаем к печатанию учебников. В Сухуми небывало сырая дождливая весна. Солнце как будто переместилось к Вам на Север. Давно не видим солнца, соскучились.

На командировку Хашбы Совнарком отпустил 600 рублей. Деньги переведены на Ваше имя. Если не Ваша рекомендация, то Совнарком, пожалуй, не отпустил бы.

Жму Вашу руку. Искренне уважающий Вас
А. Чочуа

8

7.II.28 г.

Глубокоуважаемый Николай Яковлевич!

Словарь Ваш получили после отъезда проф. Яковлева. Несмотря на то, что словарь был адресован Яковлеву, мы все же вскрыли конверт, в котором лежал словарь, и на заседании Академии абхазского языка и литературы рассмотрели его.

Для составления мнения о словаре Академией была выделена комиссия в составе Чочуа, Гулиа и Чукбара. Комиссия добросовестно прочитала словарь, как говорится, от корки до корки, и единогласно пришла к тому, что словарь Ваш является ценным для нас, абхазцев. Он весьма интересен и незаменим для нас — абхазских работников. Корректуру держать в указанных Вами местах, исправить опечатки и неправильные слова мы не решились в Вашем отсутствии. Ваше письмо прочитал товарищам своим на заседании Академии; все, как один, приветствуют Ваш приезд. Недавно были выборы в совет Академии. Результаты выборов будут для Вас ясны по прилагаемому при сем протоколу заседания Академии. По-прежнему Академия собирается в неделю раз. Как только новый состав Академии наладит свою работу, установит с Вами теснейшую связь.

Пока всего хорошего, желаю Вам здоровья.
Искренний привет Вам от всех нас — членов Академии абхазского языка и литературы.
А. Чочуа

9

5.IV.28 г.

Глубокоуважаемый Николай Яковлевич!

В конце февраля я и Д. Гулиа были в санатории «Гульрипш» у Юрия [сын Н. Марра]. Вместе с нами был и начальник Курупра д-р Анчабадзе и главврач Васильев, [которые] сказали, что грипп уйдет в ближайшем будущем и поэтому не следует беспокоиться.

Относительно состояния здоровья Юрия сказали, что здоровье его будет восстановлено полностью. Юрий сообщил нам, что Вам разрешили поехать в Африку только на две недели. Было бы хорошо, если бы Вам разрешили поехать в Абиссинию. Ведь говорят, что абхазцы вышли из Абиссинии. В конце февраля я ездил в Тифлис на две недели, защищал пятилетний план и план всеобщего обучения. Между прочим, присутствовал на торжественном юбилее по случаю исполнения десятилетней годовщины Грузинского университета. Торжество происходило в Академическом театре по всем правилам. В почетные представители были выдвинуты: Карпинский, Ольденбург, Ферсман, Вы и др. Юбилей был устроен на славу. Было произнесено много речей, сделано пожертвований более чем на 400 тысяч рублей.

Абхазская азбука в новом алфавите вышла, один экземпляр через Кукба выслал Вам. Кажется, Вам не понравилось «і». Я сделал это сознательно, т. к. «і» перед «и» и «ш» трудно читается с ними. Новая азбука произвела много шума. Проф. Поливанов написал целую критику по поводу нового абхазского алфавита, но своего не дал. Профессор Яковлев тоже. В Туркестане на тюркологическом съезде, в январе текущего года, где были Поливанов и Яковлев, представитель Абхазии — Кондратий Дзидзария по настоянию, очевидно, этих профессоров, выступил с критикой нового алфавита. На съезде с резкой критикой абхазского алфавита также выступил председатель ЦИК Азербайджана т. Агамалы-оглы. В конце февраля в одной из столичных газет помещена была его статья под заголовком: «Великая революция на Востоке». В этой статье достаточное место отводится критике нового абхаз-

ского алфавита. Юрий сообщил, что Вы по возвращении из научной командировки думаете приехать в Абхазию, повидаться с ним и отдохнуть. Приветствуем и настоятельно просим Вас приехать. Вашим приездом воспользуемся и тщательно просмотрим критику профессоров и, если нужно, а мне кажется, необходимо, просмотрим еще раз новый абхазский алфавит в сторону уменьшения количества букв и упрощения их начертаний. Если не будет возможности Вам приехать в Абхазию, то, в случае надобности, могу выслать выдержки из вышеуказанных докладов. Академия наша помаленьку работает. Председательствует Дм. Гулиа. На днях пришлем отчет о деятельности ее.

Преданный Вам

А. Чочуа

10

Сухум. 8.VII.28 г.

Ленинград, Мраморный дворец
Академику Николаю Яковлевичу Марру

Наркомпрос Абхазии в день сорокалетия Вашей научной работы горячо приветствует Вас — создателя Абхазской академии языка и нового абхазского алфавита, которые будут способствовать быстрому культурному развитию абхазского народа и помогут ему стать в близком будущем равным членом великой семьи народов СССР. Желает Вам дальнейшей долгой, такой же полезно-плодотворной работы в области науки на благо не только народов СССР, но и всего человечества.

Наркомпрос — Чочуа

АРСЕН ХАШБА

С первых же дней поступления в аспирантуру Академии наук СССР я познакомился с двумя абхазцами — учениками Н. Я. Марра А. К. Хашба и В. И. Кукба.

Абхазский лингвист и общественный деятель Арсен Константинович Хашба (1900—1937) был инициативной личностью с административными способностями. С детства лишившийся отца, он, благодаря стараниям матери Цисы Урысовны (в девичестве Салакая) начал учиться в церковно-приходской школе родного села Поквеш, затем продолжил учебу в ближайшем Очамчирском высшем начальном училище и окончил Сухумскую учительскую семинарию. Семейные условия не позволили ему поступить в вуз, и он начал работать учителем.

После установления Советской власти в Абхазии А. Хашба, организовав комсомольскую ячейку, стал руководить кружком политграмоты.

Лишь в 1925 году ему удалось поступить в Кубанский педагогический институт, а в 1926 году он перевелся в Ленинградский государственный университет, который окончил в 1929 году. Следовательно, неверно печатное сообщение, будто А. Хашба перевелся в Ленинградский восточный институт им. А. С. Енукидзе и окончил его вместе с В. И. Кукба.

Это мнение опровергают также воспоминания однокурсника последнего проф. М. П. Чхаидзе (см. с. 68—70) и слова акад. И. И. Мещанинова, который в отзыве об аспиранте А. К. Хашба (25.III 1932) писал: «Тов. Хашба А. К. примкнул к новому учению о языке (материалистическая лингвистика) еще студентом ЛГУ. Поступив в университет со специальным заданием изучения абхазского языка, он с самого начала имел в виду руководство акад. Н. Я. Марра. Прослушав университетские курсы и проведя специальные занятия с акад. Н. Я. Марром, он был выдвинут им в число

аспирантов Яфетического института Академии наук (впоследствии Институт языка и мышления.— *И. М.*) для углубления своих знаний и для специализации в теоретическом изучении своей родной абхазской речи» [1].

[1] Цит. по кн.: Хашба А. К. Избранные работы. Сухуми, 1972, с. 133.

Отсюда же ясно, что неточно и другое печатное сведение: будто бы «по окончании Ленинградского восточного института А. К. Хашба и вместе с ним учившийся В. И. Кукба были зачислены в аспирантуру того же института по иберийско-кавказским языкам, которой руководил акад. Н. Я. Марр»[2]. Нет, Хашба был оставлен при университете, а когда открылась аспирантура при Академии наук СССР, он был принят аспирантом Яфетического института.

Будучи студентом ЛГУ, он с 1927 года участвовал в работах Яфетического семинария в Ленинградском восточном институте. Когда проф. К. Д. Дондуа (1890—1952) предложил слушателям семинария А. К. Хашба и В. И. Кукба включить в план своих практических семинарских работ составление указателя к «Абхазско-русскому словарю» (Л., 1926) Н. Я. Марра, молодые авторы-абхазы, по словам К. Д. Дондуа, энергично взялись за работу. В результате вышел «небольшой по объему «Русско-абхазский обратный словарь» А. К. Хашба и В. И. Кукба, изданный в Ленинграде в 1928 году под редакцией К. Д. Дондуа», который «и до сих пор сохраняет свои неоспоримые научные качества и является образцовым»[3].

Выше отмечалась забота Н. Марра о подготовке кадров для абхазоведения, в частности решение командировать А. Хашба и В. Кукба в Турцию для изучения языков проживающих там абхазов и убыхов. Хашба так серьезно готовился к поездке, что составил специальную, хорошо продуманную «Программу работ у убыхов в Турции» (см.: Избр. раб., с. 126—129). Программа была одобрена Н. Марром, но поехать А. Хашба так и не удалось. И даже В. Кукба, который выехал в Стамбул, вынужден был вернуться обратно. Только значительно позже побывавший там норвежский ученый Ганс Фогт собрал материалы и издал книгу: Hans Vogt. Dictionnaire de la langue Oubykh. Oslo, 1963. Из этой книги видно, в какой непочатый край материалов хотел отправить учитель Н. Марр своих учеников.

В 1928 году студент А. Хашба из Ленинграда поехал на Кавказ для изучения абазинского, адыгейского

---

[2] Бгажба Х. С. Вместо предисловия. — В кн.: Хашба А. К. Избр. раб., с. 4.

[3] Там же, с. 5.

и кабардинского языков. Он собирал диалектные и фольклорные материалы абхазского языка; работал и в Грузии, усовершенствовал свою речь по живому грузинскому языку. В Абхазии А. Хашба принял участие в экспедиции А. Н. Генко[4], что, конечно, имело значение для роста начинающего ученого.

Как в университете и Восточном институте, так и в аспирантуре А. Хашба был активнейшим участником общественной жизни; он как член партии (с 1928 года) и еще один член партии — русский, я как беспартийный, т. е. один русский и два нацмена, как это требовалось тогда, составили так называемую тройку института, которая имела определенные права и допускалась на заседания ученого совета.

А. К. Хашба и В. И. Кукба, закончив курс аспирантуры в июне 1932 года, могли остаться сотрудниками Института языка и мышления, но уехали в Абхазию с полным сознанием того, что они более нужны родному народу.

В Сухуми А. Хашба назначили директором Абхазского научно-исследовательского краеведческого института, а В. Кукба — его заместителем. Как только Н. Марр узнал из письма А. Хашба о назначении его директором, он ответил наставлением: не зазнаваться и работать «бесшумно».

Ниже публикуем два документа.

1

Телеграмма

Сухум
Институт краеведения директору Хашба
Тифлис, 270, 5 12 32

Напрасно не дождались. Сожалею, мне заехать нельзя. Подробности письмом. Уезжаю десятого Абастуман, вернусь 22 на декаду, Вам легче приехать.

Марр

---

[4] См.: Хашба А. К. Отчет о летней работе по практике в Абхазии и Грузии в 1928 году. — Избр. раб. с. 119—125.

2

Тифлис. 5.XII.32 г.
Лермонтовская 1
Филиал АН СССР

Дорогой Хашба

Не знаю, опередила ли телеграмма, посланная Вам немедленно по вручении мне вчера вечером Вашего письма (было вчера уже поздно и надо было подумать). Она гласила: «Напрасно не дождались (моего приезда). Сожалею (об этом так же, как о том, что) мне заехать (теперь в Абхазию) нельзя (ибо помимо неверности морского пути в смысле своевременного отъезда из Поти и возможно невысадки из-за погоды в Очамчиры, из аптекарски рассчитанного времени придется выкроить еще, и это едва ли удастся, остановку в Баку, где у нас ассоцинированная уже часть филиала б. ИК [бывшего Института кавказоведения] АН СССР). Подробности письмом (для ориентировки же Вашей в отношении времени, когда я бы мог здесь уделить внимание без помехи, сообщаю распределение бюджета в моем распоряжении). Уезжаю десятого (на декаду в) Абастуман (то мой отпуск для предполагаемого отдыха, собственно, чтобы повидать, конечно, сына, но там 18° холода сейчас, и нам, мне с женой, едва ли кто сочтет время подходящим для отдыха в Абастумане, еду для неотложной совместной работы с Юрием [сын], требующей, как он справедливо определяет и ожидает, 30 дней, [это] его первый по установке изучения современного перс[идского] языка по-новому словарь, в б. Аз[иатском] музее годы продержанный, хотим доредактировать и дру[гие] вещи, да у меня вопросы и работы, требующие его помощи, — единственный, кто теперь мне помощь оказывает, понимая; приходится укладываться в 10 дней, естественно. Уезжая десятого Абастуман), вернусь 22 на декаду (м. б. и больше, если не решусь сделать остановку в Баку, что сомнительно, ибо приехал для деловых организационных вопросов, что в этот приезд не завершается, если даже Пичикян[5] вернется не сегодня и завтра для занятий с аспирантами, да научными работниками, желающими узнать о новых достижениях марксистско-ленинской лингвистической, так называемой яфетидологической языковед-

[5] Баграт Гагикович Пичикян — заместитель Н. Я. Марра по Закавказскому филиалу АН СССР в Тбилиси.

ной теории; публичные лекции одни мало что дают, у вас же в Абхазии сейчас подобной актуальной и публ[ичной] лекции нельзя мне прочитать, ибо не захватил с собой никаких материалов, и не моя вина, что Абхазию оторвали от первенства в практическом примен[ении] нового учения[6] об языке и тем затормозили ход языкового строительства (след[овательно] национального строительства по-новому). Для деловых же бесед с Вами лично, согласитесь, легче Вам двинуться сюда, чем мне к Вам, при всем моем предпочтении абхазской природы январской природе Баку и Абастумана. Потому телеграмму заканчиваю словами) Вам легче приехать».

Мне остается прибавить лишь одно: напрасно Вы меня убеждаете, точно я против приехать в Абхазию. Вероятно, Вы предполагаете, что я получил от Вас обращение деловое еще в Ленинграде, и я полного внимания не уделил. Это глубочайшее недоразумение. Я думал не о письменном ответе, а деловом, и что решил, собирался из Тифлиса написать. Ваше письмо было первое на очереди для ответа, но каково было мое удивление, когда я узнал, что Вы были в Тифлисе и уехали не дождавшись!

С комм[унистическим] приветом Н. Марр[7]

Названная в письме встреча состоялась, и Н. Марр еще раз говорил с А. Хашба о том, какую ответственность взял на себя молодой ученый и как он должен совмещать административную должность с научной работой.

А. Хашба и В. Кукба развернули научную работу в Сухумском исследовательском институте и за его стенами и кроме того преподавали в Государственном педагогическом институте.

Из первых самостоятельных работ А. Хашба привлекает внимание исследование «Пассивная конструкция абхазского переходного глагола» (Ленинград, 1929), напечатанное в «Яфетическом сборнике» (1930, т. 6) и перепечатанное в сборнике «Избранные работы» А. К. Хашба (с. 38—45). В последнем издании повто-

---

[6] Речь идет о том, как в Абхазии отвернулись от аналитического письма Н. Я. Марра.

[7] Цит. по кн.: Хашба А. К. Избр. раб., с. 134—136.

рены другие работы автора и некоторые диалектные и фольклорные записи.

Весной 1934 года А. Хашба приехал в Ленинград. В это время, кроме своих аспирантских занятий, я руководил в Ленинграде печатанием изданий Грузинского филиала АН СССР, издавал «Описание грузинских рукописей Синайского монастыря» Н. Марра (оно печаталось в течение 8 лет в 1932—1940 годах), совместно с В. Б. Аптекарем и В. А. Миханьковой участвовал в издании пятитомника «Избранных трудов» Н. Марра[8]. Зная обо всем этом, А. Хашба обратился ко мне с просьбой: «Руководство в Сухуми: Нестор Лакоба, Андрей Чочуа, Дмитрий Гулиа — поддерживает нас, хотим издать сборник абхазоведческих работ Н. Марра, но такого сборника в Сухуми не составить и тем более не напечатать. Так помогите здесь его составить и издать!..»

В библиотеке нашего института и на квартире Н. Марра мы собрали вторые экземпляры соответствующих трудов, определили предварительное содержание сборника; А. Хашба должен был с помощью сотрудников своего института подготовить его для типографии. Кое-что поручалось и нам. Хашба вернулся в Сухуми.

После смерти Н. Марра А. Хашба более настойчиво писал нам об опубликовании сборника Н. Марра, подчеркивая, что это просьба как руководства Абхазии, так и общественности.

В 1935 году в Ленинград приехали А. Хашба и В. Кукба. По их просьбе созвали специальное совещание. Присутствовали академик И. И. Мещанинов, проф. К. Д. Дондуа, проф. Л. Г. Башинджагян, В. И. Кукба, М. П. Чхаидзе, А. К. Хашба и автор этих строк.

Во вступительном слове, говоря о составлении сборника Н. Марра, А. Хашба заметил: «Дмитрий Гулиа требует завершения сборника «Абхазско-русским словарем» и его обратным вариантом, а я поддерживаю эту мысль, так как этим самым поправятся те многочисленные опечатки, которые обнаружены в словарях» — и в заключение добавил: «За помощью относительно печатания хотим обратиться к Карпезу Дариспановичу Дондуа». Но Дондуа категорически отказался, объясняя это так: «Я сейчас работаю над материа-

---

[8] См.: Марр Н. Я. Об истоках творчества Руставели и его поэме. Тбилиси, 1964, с. 249—250.

лами сванского словаря Н. Я. Марра и моими и никак не смогу начать новое большое дело...»

И я не смог взять на себя издание Абхазского словаря. Тем более, что Абхазский институт не подготовил еще оригинала нового издания.

Составление сборника было начато А. Хашба. Вдвоем мы решили включить в сборник 20 трудов, написанных в 1912—1929 годах (по две работы было потом добавлено Арсеном Хашба и мною). От введения рукописи Абхазской грамматики институт отказался.

О подготовке сборника узнал А. Н. Генко. При первой же встрече со мной он сказал: «Нужно обязательно учесть желание Д. Гулиа, к этому словарю он непременно добавит слова, у меня тоже есть некоторый материал, и новое издание словаря осуществим отдельно...»

Договорились так: А. Хашба должен был прислать двух сотрудников, которые подготовили бы для типографии лингвистически-исторические работы Н. Я. Марра, относящиеся к Абхазии, фольклорно-этнографические записи составили бы второй сборник, а словарь с указателем был бы опубликован отдельно третьей книгой.

А. Хашба заметил, что название первого тома — «Абхазоведческие труды» — некоторым не нравится. Были предложены варианты. Приняли мое предложение — «О языке и истории абхазов».

С использованием этого материала в 1936 году в Сухуми вышла книга А. К. Хашба «Академик Н. Я. Марр о языке и истории абхазов» под редакцией акад. И. И. Мещанинова. Этот труд, с некоторыми сокращениями, вошел в «Избранные работы» А. К. Хашба (с. 9—37).

Сборник «О языке и истории абхазов» должен был быть напечатан летом 1937 года. Его первый лист, подписанный к печати 8 мая того же года, и ныне хранится в моем архиве. Но беда, постигшая А. К. Хашба (19 ноября 1937 года), помешала своевременному появлению сборника. В связи с этим я приехал в Сухуми, передал сборник для просмотра А. М. Чочуа и с подписанным им экземпляром уехал обратно (см. с. 30).

Как обычно бывает в таких случаях, публикация нашего сборника была связана с большими хлопотами. Редакторов издательства пугало большое число фами-

лий в книге и указателе — нет ли такой, которую упомянуть нельзя. В то время на это обращалось особое внимание. Поэтому я, с соответствующим ходатайством А. М. Чочуа, ходил к президенту АН СССР В. Л. Комарову и вице-президенту Г. М. Кржижановскому, непременному секретарю Академии наук Н. П. Горбунову и академику-секретарю Отделения общественных наук А. М. Деборину. И все же, если бы не огромный авторитет Н. Марра, сборник бы не вышел.

Его ответственный редактор — академик И. И. Мещанинов, редактор — я, а вместо составителей А. Хашба и автора этих строк — Институт абхазской культуры. Предисловие И. Мещанинова, по моей просьбе, начинается словами: «Составленный и издаваемый Институтом абхазской культуры сборник...» Супруге Н. Марра — А. А. Марр и мне пришлось переделать пагинацию на страницах сборника и цифры в обширных указателях.

Позже мы были соучастниками реабилитации имен незабвенных друзей А. Хашба и В. Кукба, и как только появилась возможность, в печати тоже отметили их имена и упомянули об их инициативной роли в деле составления названного сборника [9].

Отрадно, что Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа составил вышеупомянутый сборник «Избранные работы» А. К. Хашба, а издательство «Алашара» выпустило его.

Жена А. Хашба Фариза Магометовна, урожденная Кмузова, владея родным абазинским, а также черкесским языками, была одним из информаторов ученого-мужа по этим языкам. Заботливая мать, она вырастила трех дочерей (Римму, Беллу и Лору). Все они кандидаты наук. Старшая, Римма, продолжает дело отца в области фольклористики. Хочется надеяться, что она обработает и издаст сохранившиеся записи отца, хотя его имени и без этого не забудет история абхазоведения.

Ноябрь 1980
Тбилиси

---

[9] См.: Марр Н. Я. Об истоках творчества Руставели и его поэме, с. 247.

ВИКТОР КУКБА

Абхазский лингвист и общественный деятель Виктор Иосифович Кукба (1904—1944) отличался прилежностью в труде, ровным характером, скромностью и вдумчивостью. Роста он был ниже среднего, человек на редкость подвижный, отличный бегун.

Но мы не будем задерживаться больше на описании его физических данных. Начнем с того, что в 1980 году общественность Абхазии отметила 75-летие со дня рождения В. И. Кукба. Этой дате было посвящено расширенное заседание ученого совета Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР и Абхазской организации Грузинского исторического общества.

В связи с юбилеем появился ряд статей. Наиболее полной публикацией оказался очерк Б. Баджгурова о жизни и деятельности преждевременно умершего ученого (см.: Советская Абхазия, 1980, 26 февр.) В моем распоряжении имеются все эти статьи, автобиография В. Кукба и другие материалы. На основании этих документов, а также личных воспоминаний я тоже хочу высказаться в адрес моего незабвенного друга.

В. И. Кукба родился в селе Звандрипш Гудаутского района в бедной крестьянской семье. Учиться он начал в Новоафонской школе, затем продолжил учебу в Лыхнинском двухклассном училище и в 1924 году с отличием окончил педагогический техникум, называвшийся до 1921 года Сухумской учительской семинарией.

В 1921 году В. Кукба вступил в ряды комсомола, работал секретарем уездно-городского комитета в Гудаутском районе. В 1925 году его назначили заведующим орготделом и помощником секретаря Абхазского обкома ЛКСМ Грузии. В декабре того же года, как способного, с хорошим будущим молодого человека, Наркомпрос направил его на учебу в Ленинградский

институт живых восточных языков (ЛИЖВЯ) им. А. Енукидзе при ЦИК СССР, в дальнейшем переименованный в Ленинградский восточный институт (ЛВИ). Дисциплинированного, отличавшегося в учебе и активного в общественной жизни В. Кукба здесь в 1926 году принимают в ряды ВКП(б).

Н. Марр, учитывая личные достоинства студента, ходатайствует о командировании В. Кукба в Турцию. О целях этой поездки сам Кукба пишет так: «В 1927 году Восточным институтом был командирован в Турцию для изучения и записи языков убыхов и абхазов, выселенцев из Кавказа. Выполнить свою задачу мне не удалось, так как турецкое правительство запретило мне выехать в те районы, где жили убыхи и абхазы. Прожив в Константинополе три месяца и не добившись выезда в нужные мне районы, я вынужден был вернуться обратно в СССР».

В беседе со мною В. Кукба отметил, что в Стамбуле ему устроили провокацию: «Привели молодую, незнакомую мне женщину, которая доказывала, будто бы она встречается со мною со дня моего приезда! Если бы не оперативное вмешательство в это дело сотрудников Советского генерального консульства,— заметил В. Кукба,— мне грозила бы опасность».

Возвратившись на родину, студент В. Кукба в 1928 году участвует в экспедиции по сбору лексических материалов абхазского языка, которой руководил А. Н. Генко.

В 1929 году, окончив Восточный институт с защитой дипломной работы на тему «Из семантики абхазского языка», В. Кукба был оставлен аспирантом в том же институте. В дальнейшем открылся прием в аспирантуру Академии наук СССР, и Н. Марр переводит В. Кукба аспирантом Яфетического института академии.

Здесь он, кроме аспирантских занятий, выступает с научными докладами. Одним из таких было его выступление на сложную, обобщающую тему: «А. Н. Генко и Н. Ф. Яковлев как исследователи кавказских горских языков».

В 1931 году В. Кукба участвует в Северо-Кавказской экспедиции с целью «выявления взаимоотношений внутри абазино-адыгейской группы языков и культурно-исторического и социально-исторического, также языко-

вого взаимоотношения с другими кавказскими языками, в частности с балкаро-карачаевским языком».

Выше (см. с. 55) отмечалось, что с участием В. Кукба в 1928 году был издан «Русско-абхазский обратный словарь» по Абхазскому словарю Н. Марра.

Учитель Н. Марр не случайно писал о своем ученике, что аспирант В. И. Кукба «спокойный, выдержанный, чрезвычайно деликатный и в той же степени непоколебимо верный, упорно настойчивый в исследовании родного языка». «Молодой человек превзошел мои ожадния»,— в согласии с ним отмечал И. И. Мещанинов.

Участвуя в семинарских занятиях в Институте языка и мышления, В. Кукба выступал сравнительно редко, но когда он это делал, то его суждения даже по общим лингвистическим вопросам привлекали внимание присутствовавших крупных специалистов. Тем более ясными и четкими были его мысли по вопросам строя и истории языков абхазо-адыгейской группы. Вспоминается, как в конце 1931 года в Институте языка и мышления на научной сессии по вопросам синтаксиса один из присутствовавших заговорил об исследовании А. Хашба «Пассивная конструкция абхазского переходного глагола». В частности он сказал: «По прочтении этой статьи у меня возникло удивление, как может быть переходный глагол пассивной конструкци?!» Выступил В. Кукба, и все стало ясным. Он предстал как специалист в своей области и человек, который смело может защитить правду и друга.

Столь же ясными и принципиальными были его выступления в фольклорной секции Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР, заседания которой мы вместе посещали.

После окончания аспирантуры названного института В. Кукба предложили остаться его сотрудником, но он отказался от этой соблазнительной возможности и вместе с А. Хашба вернулся в Сухуми. Его назначили заместителем директора и руководителем сектора языка и литературы Абхазского научно-исследовательского института краеведения. Он не раз возглавлял научные экспедиции, которые в разных районах Абхазии собирали материалы по абхазскому языку, фольклору и этнографии. Одновременно он читал курсы абхазского языка и литературы в Сухумском государственном педагогическом институте. Принимал активное участие в политической и общественной жизни республики.

Кроме вышеупомянутых печатных работ, перу В. Кукба принадлежат предисловие к сборнику «Избранные произведения абхазских писателей», «Краткий

очерк абхазской художественной литературы», «О принципах составления терминологии абхазского языка» и другие. С его участием были составлены и изданы в 1935 году «Абхазский общественно-политический словарь» и сборник «Абхазские сказки», он составил «Начальную грамматику абхазского языка» для 1—4-го классов абхазских школ. Помогал он педагогам и личными советами.

В. Кукба по заслугам получил звание доцента в 1934 году, а в 1936 году постановлением президиума Академии наук СССР ему без защиты диссертации присвоили степень кандидата общественных наук по разделу языкознания.

Хочется упомянуть еще об одном важном обстоятельстве. В. И. Кукба, занимая ответственные должности — начальника управления по делам искусств при ЦК Абхазской АССР (1936), заведующего отделом школ, науки и культуры Абхазского обкома Компартии Грузии (1937), везде работал усердно без тени бюрократизма и старался улучшить условия работы научных организаций и их работников. Как депутат высшего органа власти страны — Совета Национальностей Верховного Совета Союза ССР — он способствовал ученым Абхазии и соседних народов глубже изучать быт и историю своих народов.

Память о талантливом сыне абхазского народа жива не только в сердцах его близких — жены Зинаиды Давидовны, урожденной Мамацевой, дочери Александры и сына Юрия, но и его народа, которому он посвятил всю свою творческую, но, к сожалению, непродолжительную жизнь. Данью этой памяти могло бы послужить издание его научного наследия, подобно тому, как был издан однотомник его ближайшего друга А. К. Хашба.

В заключение приводим две характеристики В. Кукба, составленные его учителем акад. Н. Марром. Первая, о студенте, сохранилась у его друга по институту и аспирантуре, ныне проф. М. П. Чхаидзе, любезно ее нам передавшего. Вторая, написанная по окончании аспирантуры, находится в личных делах В. Кукба, сохранившихся у его семьи в Сухуми. Здесь же находится и автобиография В. И. Кукба.

1

Характеристика студента В. И. Кукба

Студент Виктор Кукба своим серьезным отношением к яфетидологическим изысканиям, живым интересом к родной абхазской речи и умением на начальной стадии овладения материалом родственных языков быть полезным работником и в родной среде, откуда ответственные работники, в том числе Нарком просвещения Абхазии М. Чочуа, сам имеющий заслуги по изучению абхазского языка, мне писали с большим удовлетворением об его сотрудничестве, и здесь, в моем окружении и при участии в составлении Обратного русско-абхазского словаря к моему Абхазскому словарю, выявил себя настолько хорошо, что я вполне поддерживаю его желание ознакомиться с убыхским языком, имея в виду, что это расширило бы его абхазоведческую природу хотя бы материально, и со своей стороны был бы готов сам предложить его как достаточно для этого квалифицированного кандидата в командируемые районы (убыхи же сохранились лишь как выселенцы давнишние в этой стране).

11 марта 1927,
Ленинград

Н. Марр

2

Характеристика аспиранта В. И. Кукба

Присоединяясь к отзыву академика И. И. Мещанинова о работе по специальности аспиранта Кукба, могу прибавить к его характеристике.

Основное достоинство т. Кукба — это вдумчивость и серьезность по существу в целом и в частях, или моментах, нераздельно как в научных занятиях, теории и практике, так и в поведении, без заскоков и без уклонов. Таков он и в работе по предмету по специальности, абхазскому языку; прекрасно владея им, как родным, упорным систематическим трудом окружает себя необходимыми для лингвиста-марксиста и материально взрывающими замкнутость идеологического

кругозора знаниями по вспомогательным языкам и смежным, не языковедным дисциплинам, в частности выявляющей марксизм-ленинизм системе, в целой системе организации языка, словом — языковедной теории, доселе пережиточно именуемой «яфетической». Конечно, ему следовало бы еще работать в условиях ленинградской обстановки над своим более сильным вооружением теоретическим и техническим по этой новой теории, но, при его испытанных навыках научных занятий, работа на месте может послужить лишь лишним стимулом к достижению той же цели.

4 июня 1932,
Ленинград

Н. Марр

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из воспоминаний проф. М. П. Чхаидзе

Я имел счастье учиться вместе с тогдашними студентами В. Кукба и А. Хашба в 30-х годах в Ленинграде, и мне особенно приятно было читать рассказ о их жизни и деятельности, так правдиво переданный в «Воспоминаниях» И. В. Мегрелидзе. В частности, в них автор исправляет допущенные в ранее опубликованных работах ошибки и до мельчайших подробностей уточняет факты, связанные с биографией А. Хашба и В. Кукба. Об одном из таких уточнений мне хотелось бы высказаться особо, подтвердив сказанное выше собственными воспоминаниями. Это уточнение вопроса о том, где они учились в Ленинграде — в университете (ЛГУ) или Ленинградском Восточном институте (ЛВИ, прежнее название — Ленинградский институт живых восточных языков, ЛИЖВЯ).

И. В. Мегрелидзе справедливо утверждает (и доказывает документами), что А. Хашба учился в ЛГУ, а В. Кукба в ЛВИ. И в документах об окончании ими вуза это точно было обозначено.

Однако надо иметь в виду и тот факт (как источник спора по этому вопросу в прошлом), что, вследствие коренной перестройки учебных планов в вузах и определенных блужданий в этом вопросе среди методистов

того периода, не было больших расхождений в учебных планах этих двух вузов. При этом надо учесть и то, что в ЛВИ ведущими и профилирующими специалистами были те же академики и профессора, которые читали и в ЛГУ на соответствующих гуманитарных отделениях (Алексеев — китаевед, Баранников — индолог, Марр — кавказовед, Крачковский — арабист, Бартольд — историк Востока, Бертельс — иранист и другие). Кроме того, в эти годы возникла тенденция упразднить университеты вообще и на их месте создавать институты по соответствующим специальностям. Так оказалось, что по близкому к нашему профилю в 1929 году был создан институт ЛИФЛИ (ЛИЛИ) и наш ЛВИ совпал с ним по профилю. Более того, преподаватели строили расписание так, что лекции по одному предмету мы могли слушать в ЛИФЛИ, а по другому предмету — в ЛВИ. Поэтому и получалось, что лекции Н. Я. Марра по одному предмету слушали мы с Кукбой в ЛВИ — и тогда Хашба из ЛГУ (ЛИФЛИ) ходил «к нам» в ЛВИ, по другому предмету его же лекции слушали в ЛИФЛИ — и тогда мы с Кукбой ходили «к нему» (к Хашбе) в ЛИФЛИ. А в документах об окончании вуза значится, что мы с Кукбой кончали ЛВИ, а Хашба — ЛИФЛИ (т. е. ЛГУ).

В общежитии ЛВИ мы с Кукбой в течение одного года (1928) жили вдвоем в одной комнате. Много прекрасных воспоминаний сохранилось у меня о Викторе как о задушевном человеке, в высшей степени любезном, быстро растущем в овладении знаниями. Рассказать о них здесь не представляется возможным. Отмечу лишь два момента.

1. В 1928 году весной мы с Виктором гуляли в Лесном в одном из ленинградских парков. Зашла речь об омонимах и омографах в абхазском языке. В. Кукба говорит сосредоточенно, взвешивая каждое слово: «Смотрю я на эти омографы, каких в абхазском очень много. А ведь, если всмотреться, омографы у нас получаются зачастую по той причине, что у нас нет пока литературного языка. А когда он будет, нормами правописания можно будет различить многие теперешние абхазские омографы. Взять, к примеру, в русском: по звучанию я до прошлого года не различал слова «рассветать» и «расцветать». А теперь, по словарю читая, вижу, что одно из этих слов происходит от корня «свет»,

а другое — от корня «цвет». Таким образом, предполагаемые мною омографы оказались на самом деле совсем не омографами...»

2. В 1930 году сотрудники Академии наук СССР и университета вышли на первомайскую демонстрацию на Менделеевскую линию — широкую улицу между академией и университетом, простирающуюся от набережной Невы до Азиатского музея (около 400 метров). В ожидании шествия на парад молодежь затеяла разные спортивные игры. Они исполнялись экспромтом и по принципу «кто во что горазд». Смотрю, одна группа молодежи оторвалась от колонны и помчалась от набережной к музею. Я увлекался спортом, бегал неплохо. Видя бегущих, я не удержался, решил попробовать силы. Догнав их на повороте у музея, на обратной дистанции я стал заметно опережать бегущих. Но вдруг вижу: кто-то из бегущих начинает обходить меня. Смотрю и узнаю его: это — мой Виктор Кукба! Вечером на ужине в академической столовой я ему говорю: «Здорово же ты, оказывается, бегаешь!» А он мне в ответ: «Я что за бегун! А вот Арсен бегает (имел в виду Арсена Хашба), что стрела мчится; может обогнать любых братьев Знаменских».

Здоровый телом и сильный духом, обаятельный человек — таким постоянно стоит предо мной образ верного друга — Виктора Иосифовича Кукба.

1.I 1982
Тбилиси

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление 3
Дмитрий Гулиа 5
Письма Д. И. Гулиа Н. Я. Марру . . . 21
Андрей Чочуа 28
Письма А. М. Чочуа Н. Я. Марру . . 37
Арсен Хашба 53
Виктор Кукба 62
Приложение. Из воспоминаний проф. М. П. Чхаидзе 68

Иосиф Варфоломеи-иҧа Мегрелизе
АҦСУА ҬЦААРА АХЫЦХЫРҬАҚУА РКНЫ
Агуалашәаракуеи адокументкуеи
Урысшәала

იოსებ ბართლომეს ძე მეგრელიძე
ᲐᲤᲮᲐᲖᲛᲪᲝᲓᲜᲔᲝᲑᲘᲡ ᲡᲐᲗᲐᲕᲔᲔᲑᲗᲐᲜ
მოგონებები და დოკუმენტები
რუსულ ენაზე

Иосиф Варфоломеевич Мегрелидзе
У ИСТОКОВ АБХАЗОВЕДЕНИЯ
Воспоминания и документы

Рецензенты: Г. Д. Гулиа, Х. С. Бгажба, В. В. Дарсалиа

ИБ 924

Редактор издательства Н. В. Правденко
Художественный редактор П. Г. Цквитария
Технический редактор Л. И. Евменов
Корректоры А. А. Мхитарян, Ж. И. Гублиа
Выпускающий Т. С. Ашхараа

Сдано в производ. 7.06.1985 г. Подп. к печ. 24.07.1985 г. ЭИ00209. Типогр. бумага № 2. Формат 84 x $108^{1}/_{32}$. Гарнит. литерат. Высок. печ. Физич. печ. л. 2,25. Усл. печ. л. 3,78. Усл. кр. отт. 3,93. Уч.-изд. л. 3,64. Заказ 5980. Тираж 1 000. Цена 15 коп.

Издательство «Алашара», Сухуми, ул. Ленина, 6

Сухумская типография им. Л. ча Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли при Совете Министров Абхазской АССР. Сухуми, ул. Ленина, 6.

Цена 15 коп.